Что скрывает прилив

Автор:
Мелинда Солсбери

Что скрывает прилив

Мелинда Солсбери

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира

Несколько правил для тех, кто живет под одной крышей с врагом.

Первое: не привлекай внимания.

Второе: если не можешь быть невидимкой, стань полезной.

Третье: если не можешь победить злодея, присоединись к нему.

Четвертое: не зли его.

Альва убеждена в том, что несколько лет назад ее мать пропала не просто так. И теперь она вынуждена остерегаться собственного отца. Но когда в деревне из недр земли восстанет древнее зло, Альве придется столкнуться с неизведанным и подвергнуть сомнению все, в чем она была так уверена. Ведь теперь она сама может стать жертвой.

Мелинда Солсбери

Что скрывает прилив

Melinda Salisbury

HOLD BACK THE TIDE

Text Copyright © Melinda Salisbury, 2020

Серия «Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира»

© Шаповал И., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Второму любимому мною шотландцу.

Не думаю, что Дэвид Теннант читает мои книги, поэтому посвящаю эту тебе, Нил Берд.

Sl?inte mhath!

Ад пуст, и все дьяволы здесь.

Уильям Шекспир. «Буря»

Пусть все знают, насколько пуста и бесполезна власть королей…

Генрих Хантингдонский. «История англов»

Тот монстр, которого я создал, все время был у меня перед глазами…

Глава первая

Несколько правил для тех, кто живет под одной крышей с убийцей.

Первое: не привлекай внимания.

Тут все просто: если тебя не замечают, то и не захотят убить. Если нужно, стань призраком в своем собственном доме. В конце концов, призрака убить нельзя.

Конечно же, это невозможно, когда ты живешь вместе с убийцей, каждый день сидишь напротив него за обеденным столом, делишь с ним ванную комнату и кухню, а ваши спальни разделяют каких-то три с половиной метра и две тонкие стенки. Даже самое неуловимое привидение рано или поздно заметят. Из чего вытекает следующее правило.

Второе: если не можешь быть невидимой, стань полезной.

Готовь много и от души, и убийца окажется слишком сытым и сонным, чтобы зарезать тебя. Например, мясное рагу, густое жаркое или горы картошки. Никто никогда не отправлялся убивать людей, умяв килограмм пюре. Ломтик хлеба и немного сыра не спасут твою жизнь.

Тебе также стоит поддерживать в доме идеальную чистоту: подметай полы, взбивай подушки, натирай столовые приборы, пока в них не станет отражаться твое лицо. Не допускай, чтобы у убийцы заканчивалось свежее белье; всегда пришивай болтающиеся пуговицы прежде, чем они оторвутся и потеряются; штопай носки, как только они начинают протираться. Каждое утро до рассвета непременно забирай из курятника яйца и дои козу, какая бы ни была погода. Замерзшей и промокшей быть всяко лучше, чем мертвой, моя дорогая. Словом,

сделай так, чтобы твоя смерть влекла за собой массу неудобств. Убийцы ненавидят неудобства.

Однако этого все равно недостаточно. Мы даже не близко.

И в продолжение третье правило: если не можешь победить врага, присоединись к нему.

Не в плане убийств, конечно, ты же не хочешь составить ему конкуренцию. Найди другой способ: стань его ученицей, помощницей, в которой он давно нуждался, но даже не подозревал об этом. Превратись в его правую руку, чтобы, если отрезали тебя, кровь пошла у него.

Развивай выносливость, чтобы день за днем, в дождь, снег или под солнцепеком наматывать круги вокруг озера, передвигаясь легко и быстро. Научись расставлять и закидывать сети, чтобы ловить озерную рыбу. Узнай, как разделывать свою добычу, доставать содержимое ее брюха, промывать внутренности, словно песок в безуспешных поисках золота. Тренируйся, пытайся избавиться от рвотного рефлекса, возникающего при виде вываленных на стол рыбьих потрохов. На тот самый стол, что ты вчера полчаса полировала до блеска.

Снова вымой стол.

Учись усердно. Узнай, как проверять, чистое ли озеро. Как чертить таблицы, высчитывая уровень воды, пока не начнешь определять на глаз, какой ее объем можно пустить на хозяйственные нужды. Доведи эти расчеты до совершенства, убедись, что можешь выполнять их в уме, всегда помни эти цифры, чтобы озвучить их в нужный момент. Записывай знаки, указывающие на приближение дождя или вероятность засухи. Готовься.

Более того, изучи строение острог, ножей и ружей, научись затачивать лезвие о точильный камень так, чтобы оно свистело, рассекая воздух. Узнай, как чистить ствол и смазывать спусковой механизм. Практикуйся, пока не станешь собирать длинноствольное ружье менее чем за тридцать секунд. Запомни, где хранятся патроны и порох, и следи, чтобы их запасы не иссякали.

Четвертое: не зли его.

По своему опыту могу сказать, что убийца с большей вероятностью прикончит тебя, если ты его разозлишь.

Прямо сейчас мой отец невероятно зол на меня.

Глава вторая

– Альва. – Требуется масса усилий, чтобы научиться не оборачиваться, когда убийца стоит у тебя за спиной. Однако я давно отработала этот навык на практике. – Альва.

Я понимаю, что он зол, по интонации, с которой произносится мое имя. Он словно ломает это слово: звук «в» очень резкий, а вторая «а» задыхается еще до того, как слетает с его губ. Крошечные волоски у меня на руках невольно встают дыбом. От страха резко холодеет в желудке. Когда он так проговаривает мое имя, оно становится похоже на сердитый рык в темноте, который прямо намекает на то, что нужно бежать и прятаться. Или хотя бы вести себя осторожно.

Что же мне делать? Я тяжело вздыхаю.

– Подожди минутку, па.

Демонстративно вывожу последние три слова в предложении и спокойно кладу перо. И только потом отворачиваюсь от письменного стола и обращаю на него свой взгляд.

Потому что есть пятое правило, самое важное из всех.

Не подавай виду, что тебе что-то известно.

Хочешь выжить – стань умнее его. Если бы я шла на поводу у своих инстинктов, если бы убегала, когда он входит в комнату, вздрагивала всякий раз, когда он берет в руки нож, или молоток, или ружье, он бы понял, что что-то не так. Начал бы задавать вопросы, волноваться, и тогда мне пришлось бы беспокоиться по-настоящему. А последнее, что тебе нужно, – это заставлять убийцу нервничать. Фокус в том, что необходимо сохранять самообладание и вести себя так, словно все в порядке. И поэтому я не съеживаюсь от страха, а реагирую так, как отреагировал бы любой шестнадцатилетний подросток, если бы в его комнату внезапно зашел отец.

– Что случилось? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал скучающе, даже немного раздраженно.

Я довольна собой, но, когда встречаюсь с ним взглядом, это чувство исчезает. Он совершенно точно мной не доволен.

Я выдавливаю улыбку. Он не улыбается в ответ. Ох, черт. Отец стоит, заслоняя собой проход и пригибая голову, чтобы не удариться о дверной косяк. А я пытаюсь свыкнуться с мыслью, что он перекрыл единственный выход. Он настоящий гигант. Когда я была совсем еще крохой, то помещалась у него на ладонях. Он наклонялся вперед, приподнимал за руки и качал меня взад и вперед между ног, и я никогда даже близко не доставала до земли. Я не унаследовала его рост, но мне достались темные кудри, похожие на гнездо, и угольно-черные глаза – характерные признаки представителей семьи Дуглас. Сейчас глаза моего отца непроницаемы, холодны и бездонны, как вода в озере и, встретившись с ними, я изо всех сил стараюсь не вздрогнуть.

– Ты проверила сети? – спрашивает он.

– Да.

– Все?

Я киваю, а мой взгляд падает на охапку лохмотьев в его правой руке. Нет. Не лохмотьев. Остатков сети. О, дьявол. Вот в чем дело: я проверила не все сети. Один-единственный раз решила не идти к самой дальней, что стоит у горы на севере, чтобы вернуться и закончить переписывать текст. В свою защиту могу сказать, что последние три года я исправно проверяла эту сеть дважды в

неделю. В нее никогда ничего не попадало – ни одной крошечной рыбешки – и ее ни разу не требовалось чинить. До сегодняшнего дня.

– Альва?

В продолжение вранья смысла нет, однако это меня не останавливает.

– Я забыла. На прошлой неделе она была в порядке, – оправдываюсь, поднимаясь со стула, и мой пульс тут же учащается.

В ответ он разворачивает сеть, и я вздрагиваю, когда вижу размер дыр, которые в ней образовались. Семь лет я училась чинить сети и достигла высот в этом деле, но во всей Ормсколе не найдется столько бечевки, чтобы привести эту в порядок. Я легко пролезла бы в одно из отверстий.

Отец яростно глядит на меня сквозь сеть, и мне вдруг кажется, что он пойман. Потом я понимаю, что с его ракурса выгляжу добычей я, и у меня пересыхает во рту.

Я отвожу глаза и начинаю разглядывать прорехи, заставляя себя подойти поближе. Удивительно, что у отверстий ровные, не рваные края, словно их не выгрызали зубами, а прорезали. У того, кто это сделал, должно быть, зубы или когти, как бритвы.

– Кто способен на такое? – изумляюсь я, на секунду забывая об осмотрительности и протягивая руку, чтобы дотронуться до аккуратных краев, словно это поможет найти ответ на вопрос. Самые крупные хищники из живущих в озере – это выдры. Но не может быть, чтобы они это сотворили. То же самое касается обитающей тут рыбы. – Волк? Медведь?

Отец тут же качает головой.

– В этих местах больше не водятся медведи. И если бы рядом были волки, мы бы их слышали.

Это правда. Когда волки близко, это сразу понятно.

– Может, луга? Возможно, в сети попал олень, и она полезла за ним?

Я и раньше находила запутавшихся оленей. Это довольно глупые животные. А луги – горные кошки – как раз охотятся у озера, но обычно зимой.

Отец смотрит на сеть, будто ожидая, что та расскажет ему, как пришла в такое состояние.

– Это может быть луга, как думаешь? – спрашиваю я.

– Луга должна умирать с голоду, чтобы спуститься с гор весной, – наконец произносит он. – Или болеть бешенством. Надо расставить несколько ловушек. – И добавляет едким тоном: – В любом случае сеть нужно заменить сегодня.

У меня замирает сердце. Мало того, что я не проверила эту сеть, так еще и отец нашел ее в таком виде. В любой другой день я бы уже бежала в сарай за новой, по пути нашептывая себе под нос извинения и молитвы. Но сегодня мне нужно спуститься в деревню, чтобы встретиться с Марреном Россом и забрать у него свои вещи. Найти, проверить и оттащить новую сеть к берегу северной горы, находящемуся в шести километрах отсюда, займет большую часть дня, а потом еще надо ее устанавливать. Придется потратить целый день, а я не могу себе этого позволить.

Сейчас самый неподходящий момент для подобного происшествия.

Мне в голову лезут мрачные мысли. Сети на севере годами стояли нетронутые, но именно сегодня, в единственный день, когда я не стала проверять, одна из них порвалась. И не просто порвалась, а чуть не расползлась на куски, как будто ее порезали ножом. И так совпало, что отец ее нашел…

Кожа у меня на плечах покрывается мурашками. Мог ли он сам это сделать? Известно ли ему о моих замыслах? Ведь если он знает, это значит…

– Альва? Сеть. Сегодня, если тебя не затруднит.

Раздражение в его голосе выводит меня из задумчивости.

– Прости.

Я отгоняю свои подозрения. Сейчас я веду себя глупо. Если бы отец был в курсе, что я задумала, он бы не стал портить собственные сети, чтобы удержать меня. Он бы, скорее всего, просто меня убил.

Я накрываю свои записи куском телячьей кожи, чтобы не запылились, и второпях сворачиваю старый свиток, который переписываю. Несколько обрывков сусального золота выпадает из него и опускается на стол. Уже много лет я складываю в банку кусочки золотой фольги, которые монахи забывали в свитках или не утруждались собирать. Наверное, сама банка стоит больше, чем ее содержимое, но мне нравится думать, что у меня есть небольшой бочонок с золотом.

– Я отправлюсь прямо сейчас, – обещаю, все еще надеясь, что он даст мне отсрочку. Принимая во внимание вероятность встретить затаившуюся где-то неподалеку бешеную лугу, нормальный отец задумался бы, прежде чем отправлять единственного ребенка в шестикилометровый поход вдоль берега озера с целью поставить новую сеть. Он бы пожалел свою дочь и позволил бы ей сходить в деревню, чтобы забрать бумагу, которая, как она уже упоминала, нужна для завершения работы. Однако мой отец не такой.

– Возьми пистолет и будь осторожна, – говорит он, отворачиваясь. – И возвращайся до наступления сумерек.

Да, па. Я тоже тебя люблю.

Сараи, где мы храним запасные сети, лодки и еще кучу других принадлежностей, находятся в пятистах метрах от дома. Их множество, и они тесно прижимаются друг к другу. Когда я подхожу к ним, мне уже жарко: руки вспотели в шерстяных перчатках, а арисэд[1 - Арисэд – шотландский женский костюм, представлял собой тартан длиной около 2,5 м, который заворачивался вокруг талии и закалывался на груди брошью.] давит на плечи.

Когда я была совсем маленькой, то любила играть у сараев. Отец сажал меня на шею, и мы весь день проводили вместе. Я забиралась в одну из лодок и играла в пирата, или залезала в одну из клеток и выла как волк, пока родитель не начинал грозиться, что закинет меня в воду. Иногда я заворачивалась в сети,

притворяясь пойманной русалкой, и обещала исполнить любое желание в обмен на пирог, который мама заворачивала нам с собой.

Порой я тихонько сидела рядом с отцом, тренировалась вязать узлы из старых обрывков бечевки, а он тем временем перебирал сети, иногда отвлекаясь, чтобы взъерошить мне волосы.

Я не припоминаю, чтобы в детстве эти строения пугали меня, но сегодня, даже в лучах яркого весеннего солнца, они, несомненно, выглядят зловеще. Высокие и узкие, сбитые из черной древесины и покосившиеся, кажется, они заваливаются друг на друга и обступают меня. Я делаю шаг с освещенного солнцем участка в их тень, и в ту же секунду по моей коже бегут мурашки. И дело не столько в холоде, сколько в возникшем ощущении тревоги.

Мрачное чувство усиливается, когда на крышу одного из сараев садится жирная сорока. Пока я прохожу мимо, птица следит за мой, приоткрыв большой клюв, и от этого создается впечатление, что она надо мной смеется. Говорят, что у них под языком затаился черт. Легенды гласят, что, если дать сороке выпить людской крови, пробудится дремлющий в ней дьявол, и она заговорит человеческим голосом.

Черт бы ее побрал, если это правда.

Я снимаю свой арисэд и размахиваю им, чтобы согнать птицу, но она продолжает таращиться на меня, осуждающе качая головой. У меня вдруг появляется абсурдное ощущение, что она вот-вот что-то скажет и даже никакой крови не понадобится.

– Убирайся прочь! – подаю голос первая. – Сегодня у меня нет времени на дьявольщину!

Сорока склоняет голову набок, а потом начинает чистить клювом перья, которые на солнце переливаются чернильно-синим и изумрудно-зеленым цветами. Я одновременно испытываю и стыд, и облегчение. Так как на меня больше не обращают внимания, решаю забыть об этом происшествии и продолжаю путь к дальним сараям.

Оказавшись внутри, я зажигаю лампу и какое-то время наблюдаю за пляшущими на стенах тенями, чтобы крысы успели скрыться из виду. Я слушаю, как где-то в глубине помещения скребутся крошечные лапки, как дерево скрипит под солнцем, рассыхаясь от возрастающей температуры. Зима наконец-то покидает горы.

В сарае пахнет плесенью и влагой от развешенных под потолком сетей. Когда они высохнут, их необходимо починить и сложить для использования в дальнейшем.

Мне нужны уже свернутые сети, но света лампы не хватает, чтобы как следует их рассмотреть. Ругаясь и чертыхаясь, я несколько часов вытаскиваю рулоны на улицу, разворачиваю, проверяю, а потом, испытывая разочарование, снова складываю. Наконец нахожу сеть достаточно длинную, чтобы заменить испорченную. Но и тут я вижу, что кто-то ее погрыз, оставив после себя потрепанные края и торчащие нити. Ее нужно усилить, прежде чем можно будет использовать. Представив, что придется вернуться сюда и чинить очередную сеть, я издаю громкий стон.

И в тот же момент ошарашенно осознаю, что, быть может, этого делать не придется. Возможно, я в последний раз пришла к сараям. Если все пойдет по плану, через несколько дней меня здесь не будет. И я никогда не вернусь. Никогда больше не буду сидеть на этом самом месте и перебирать сети. Это все останется лишь воспоминанием.

Ошеломленная, присаживаюсь на корточки и сжимаю в кулаке сеть, пока не становится больно ладоням, и я не возвращаюсь в реальность.

С привычной аккуратностью сворачиваю ее и достаю следующую, а потом еще одну, а потом еще, пока наконец не нахожу подходящую.

Протолкав деревянную тележку с сетью шесть километров вдоль берега, я едва не поджарилась на солнце, волосы прилипли ко лбу, дышалось с трудом. Жажда заставила меня четыре раза опустошить и снова наполнить фляжку водой из озера. И хотя не снимала перчатки, чтобы не натереть мозоли, арисэд я бросила сверху на сеть и серьезно подумывала снять еще и жилет, чтобы пойти ставить сети в одной блузе и юбках. К черту приличия. У меня ужасно болят ноги и руки, и я мрачно размышляю о горах, землетрясениях, скрытых подземных озерах и о

том, как все это испортило мне жизнь. Почему я не родилась триста лет назад, когда озеро было втрое меньше? Зачем дурацкому землетрясению понадобилось смещать эту самую гору, из-за чего открылся подземный резервуар, о существовании которого никто и не подозревал? Если бы не упомянутые события, я бы уже давно закончила с сетью и весело шагала в деревню. Но нет, я все еще здесь, все еще тащу эту проклятую сеть, потная, уставшая и сердитая.

Дурацкое, дурацкое землетрясение.

Странствующий проповедник, приходящий в Ормсколу дважды в год, чтобы напомнить о наших грехах, говорит, что землетрясение наслал единый и истинный бог. Он хотел преподать язычникам севера урок, и нам следует помнить об этом. Я поднимаю взгляд к небу в поисках разряда молнии. Однако вместо грома слышу бурчание собственного живота.

Я умираю с голоду. Я не взяла с собой еды, и теперь желудок воет как зверь, что наводит меня на мысли о луге. Сразу вспоминается, что нужно смотреть по сторонам и быть осторожной, как мне велели.

И тут я кое-что замечаю, безумно радуясь, что не разделась до нижних юбок. Это хуже, чем луга. Хуже, чем дьявол, говорящий с тобой в образе сороки.

Облокотившись на дерево, с перекинутой через плечо сумкой (наполненной грехами), стоит и наблюдает за мной своими ледяными голубыми глазами не кто иной, как Маррен Росс.

Глава третья

– Скажи, ради всего святого, что ты тут делаешь? – Я бросаю ручки тележки, смахиваю с лица волосы и упираю руки в боки. – Ты с ума сошел?

– Ты не пришла. Я думал, мы договорились о встрече.

Он рывком отталкивается от дерева и направляется в мою сторону. Несмотря на свою хромоту, парень довольно быстро приближается ко мне. И вот он уже стоит прямо передо мной, и я заглядываю в его веселое лицо.

– Я же сказала: приду, если смогу.

Рен вскидывает бровь.

– То есть я впустую потратил утро, дожидаясь тебя в условленном тайном месте? Мне казалось, что у нас были определенные обязательства друг перед другом.

– Я бы не сказала, что таверна Мака – тайное место. И официально заявляю, что скорее утоплюсь в озере, чем обзаведусь обязательствами перед тобой, Маррен Росс.

– Ах! – хватается он за сердце.

Я закатываю глаза.

– Серьезно, что ты здесь делаешь? Я просила тебя не подниматься на гору. Обещала же, что сама к тебе спущусь.

Он окидывает меня оценивающим взглядом.

– Все так. А потом ты не пришла. Может, и не давала железных гарантий, но раньше ты всегда приходила, если был уговор. Поэтому я начал беспокоиться. – Он кисло улыбается мне. – Могла бы постараться и изобразить хоть немного благодарности. Я тут почти километр в гору взбирался, а потом еще шесть намотал вокруг озера, чтобы убедиться, что ты жива.

Помимо воли я бросаю взгляд на его больную ногу, и он это замечает. Мы оба краснеем.

– Ну… спасибо тебе, – бормочу себе под нос, пряча глаза. – Я в порядке. Просто нужно заменить одну из сетей. – Я медлю. – Тебе лучше уйти. Ты же знаешь, что мой отец не любит, когда деревенские поднимаются сюда и суют нос в его дела.

Рен смеется.

– Мне совершенно неинтересны дела твоего па. Я пришел к тебе. К тому же, знаешь, как я тебя нашел? Он сам подсказал мне, где тебя искать.

На секунду я теряю дар речи. Тревога сжимает пальцы на моем горле.

– Ты ходил в дом? В мой дом? Ты с ним разговаривал? – с трудом выдавливаю из себя. – Рен, ты вообще слушаешь, что я тебе говорю?

– Да, каждое слово. Но иногда я предпочитаю игнорировать услышанное. Я называю это свободой выбора.

– Серьезно…

Рен протягивает навстречу руки, чтобы успокоить меня.

– Кажется, он не был против. И предложил мне чаю.

У меня отвисает челюсть.

– Я ответил, что тороплюсь и, может, в следующий раз, – ухмыляется Рен, демонстрируя заостренные резцы, из-за которых становится немного похожим на волка. Я же просто отворачиваюсь, пытаясь совладать с собой.

У Рена есть и другие волчьи черты: острые скулы, настороженный взгляд. Он поджарый, осторожный и всегда немного растрепанный. И, главное, к нему нельзя поворачиваться спиной, потому что ты и глазом моргнуть не успеешь, как этот парень уже будет дышать тебе в затылок. Словно доказывая правоту подобных наблюдений, рука Рена ложится ко мне на плечо. Стоило мне отвлечься, и он подобрался ближе.

– Не злись, – заискивающе уговаривает он, притягивая меня к себе. Его слишком длинные волосы щекочут мне ухо. – Он и вправду не показался мне рассерженным.

Я отталкиваю парня и скрещиваю руки на груди.

– Как ты это понял?

– Я знаю, как выглядят рассерженные мужики. Ты же видела, какие типы ухлестывают за моей ма.

Его голос дрогнул, но выражение лица все такое же веселое: уголки губ приподняты вверх, вокруг глаз собрались морщинки, из-за которых он выглядит старше своих семнадцати лет.

– Давай помогу? – Он кивком указывает на тележку за моей спиной. – Заглажу свою вину за то, что потревожил тебя.

– Ты разве не должен быть на работе? – спрашиваю я.

– Ночная смена. До конца дня я в твоем распоряжении. – Он двусмысленно ухмыляется.

– Прекрати.

Рен лениво пожимает плечами.

– Я серьезно. Позволь мне помочь.

Я нехотя киваю. Вдвоем мы справимся быстрее, да и мой па все равно уже знает, что он здесь. Так что можно извлечь из этого пользу.

– Ладно. Видишь там, у берега, столбы? – Я показываю на них пальцем. – Сверху и снизу сети есть петли. Оба края нужно закрепить на столбах. Положим сеть на берег, пока будем этим заниматься. Ты начинай отсюда, а я пойду в другой конец. Встретимся посередине.

Парень скидывает с плеча свою сумку и аккуратно пристраивает ее под деревом, пока я складываю арисэд и развешиваю его на ручках тележки. Рен помогает мне донести сеть до берега и развернуть ее. Мы начинаем закреплять ее на столбах. Занимаемся мы этим молча, споро поднимая и привязывая, потом снова. Работая синхронно, вскоре мы уже подтягиваем центральную часть сети к

последнему столбу.

Рен все это время не отстает от меня, работает с той же скоростью, и – что меня немного раздражает – он, кажется, даже не устал. На моей блузе под мышками и на спине расползлись пятна пота, и не нужно смотреть в зеркало, чтобы понять, что лицо у меня ярко-красного цвета. А парень выглядит так, будто только что проснулся от освежающего дневного сна; на его щеках нет ни капли румянца. Видимо, работа на лесопилке помогает оставаться в хорошей физической форме.

Рен выпрямляется и смахивает волосы с глаз.

– Тебе нужно подстричься, – замечаю я.

– Предлагаешь свои услуги?

– Ага, иди сюда, – соглашаюсь, доставая из кармана небольшой складной ножик.

Парень смеется, зачесывает волосы назад рукой и кивает в сторону сети.

– Теперь в воду? – интересуется он.

Мы подтаскиваем ее за нижнюю часть к озеру, и я замечаю ухмылку Рена.

– Трус, – ворчу себе под нос. На воде появляются пузыри из-за того, что сеть начинает тонуть. Когда ее верхняя часть все еще лежит на поверхности, они исчезают.

Несколько секунд мы тяжело дышим и смотрим на озеро.

– Тут мелко, – говорит Рен, указывая на уровень воды. – Смотри, по этой мели можно дойти до самой горы.

Он кивает вправо, где среди болотистой почвы проглядывает дно озера, образуя топкую тропинку, ведущую к горе. Вдоль тропинки тянется темная полоса, отмечающая прежний уровень воды. Теперь граница озера располагается намного ниже, и от этого парень хмурится.

– Ты говорила своему па… – начинает он.

– Конечно, говорила, – перебиваю Рена. Я сообщила отцу еще до того, как уровень воды упал до верхней отметки на столбах. Они как раз служат для измерения глубины. – К тому же он не слепой. – Я подбородком указываю на ближайший столб. На нем виднеются три зарубки, демонстрируя, насколько обмелело озеро. – Он и сам это видит.

Я смотрю на эти отметки, и у меня что-то сжимается в животе. Отец видит, что происходит, я это знаю, но он ничего с этим не делает. А ему следовало бы. Это его работа. Это единственная причина, почему нас еще не выгнали из деревни.

Мой отец – наевфуиль, или смотритель озера. Представители семьи Дуглас присматривали за озером еще с тех пор, как Ормскола представляла собой четыре тростниковые хижины, обмазанные глиной и имеющие претензии на величие. Это было за несколько сотен лет до землетрясения и слияния озер. Для отца это не просто работа, это его призвание, его священный долг – следить за озером, понимать его состояние, заботиться о нем, оберегать его. Предупреждать жителей деревни, когда что-то идет не так. Но, как мне кажется, предупреждать родитель никого не собирается.

И это большая проблема, потому что в последнее время все в Ормсколе вращается вокруг одного – бумажной лесопилки Стюартов. А она работает за счет воды, которая поступает из нашего озера.

– Твой отец не беспокоится по этому поводу? – интересуется Рен, словно читая мои мысли. – Очевидно же, что это не сулит ничего хорошего для лесопилки. И ты знаешь, что Джайлзу это не понравится.

Я отвечаю парню сердитым взглядом, потому что мне прекрасно известно, что бывает, когда Джайлзу Стюарту что-то не нравится. Перейди дорогу этому человеку и вдруг обнаружишь, что у тебя или у твоих родственников сократились часы работы на лесопилке, или что люди престали покупать молоко и яйца на твоей ферме, или что посетители прекратили заглядывать в твою таверну. Куда бы он ни пошел, все следуют за ним с единственной целью – оставаться на его стороне. В Ормсколе становится очень неуютно, если ты в плохих отношениях с Джайлзом Стюартом. Я сужу по собственному опыту. И ни я, ни кто-либо другой ничего не может с этим поделать.

Ормскола – небольшое поселение, и тут не нужен мэр. Мы даже священника и почтальона раз или два за год видим. Однако это не остановило Джайлза в его намерении стать здесь властителем и хозяином. И кто осмелится пойти против человека, который владеет лесопилкой и платит всем за работу на ней?

Разве что я и мой па. Отец и Джайлз издавна друг друга недолюбливают. Так что если Стюарт выяснит, что от него скрывают такую серьезную проблему, он придет за нами. Небо мне свидетель, он уже давно ждет повода.

– Летом он планирует расширять производство. Если уровень воды в озере опустится ниже… – Рен смотрит на меня вопросительно.

– С каких это пор ты печешься о Джайлзе Стюарте? – быстро спрашиваю я. Рен не болтлив, но если он при ком-то упомянет, даже мимоходом, об уровне воды и это дойдет до Джайлза, тот тут же примчится сюда, чтобы самому убедиться. А я не могу этого позволить. Не сейчас. – Вот уж не думала, что тебе нравится работать. Уверена, ты будешь только счастлив, если лесопилка ненадолго закроется.

Лицо Рена мрачнеет.

– Да, хорошо же ты меня знаешь, – произносит он с надрывом в голосе. – Мне лишь бы целый день дурака валять. Я лентяй и работы боюсь, как и все, подобные мне.

– Что? Я не это имела в виду… Рен…

Парень отходит к дереву, аккуратно присаживается рядом со своей сумкой и открывает ее. Его губы сжаты в нитку, а я стою и смотрю на него в недоумении.

Дело в том, что я действительно хорошо знаю Рена. И прекрасно понимаю, каково это, когда у каждого есть предвзятое мнение на твой счет. Я дочь Лаклана Дугласа, человека, которого все презирают, потому что так сказал Джайлз Стюарт. Меня же не любят и не доверяют мне за компанию. А Рен, также известный как Маррен Росс, – падкий на женщин сакс, не признающий авторитетов.

Я и Рен, мы как гнилые яблоки, упавшие прямо к корням дерева, на котором выросли.

До сих пор я даже не подозревала, что его это беспокоит.

– Я просто пошутила, – мягко проговариваю. – Я знаю, что ты не… я знаю тебя.

Парень достает из сумки фляжку с водой и делает долгий глоток, потом протягивает ее мне, избегая смотреть в глаза.

Я расцениваю это как знак того, что он меня простил, усаживаюсь рядом и беру фляжку, радуясь холодной и чистой воде. Когда он достает сверток с сэндвичами и молча протягивает один, мне хочется обнять Рена.

Несмотря на ужасное чувство голода, я стараюсь как следует распробовать угощение. Тонкие кусочки мяса ягненка с соусом из красной смородины лежат меж двух увесистых ломтей хрустящего хлеба, намазанных таким толстым слоем соленого масла, что на нем остаются отпечатки моих зубов. Я радостно жую, и мы с Реном передаем друг другу его фляжку, запивая куски хлеба, пока вода не заканчивается, а от сэндвичей не остаются одни крошки.

– Это было прекрасно, – замечаю я, когда мы заканчиваем трапезу. – Спасибо, что поделился.

Рен улыбается.

– Не за что. Я специально их приготовил.

Ну-ну. Скорее всего, он стащил их у какого-нибудь зеваки.

Я смотрю на сумку, в которую Рен снова запускает руку и достает оттуда кусок фруктового пирога. Он разламывает его надвое и большую часть предлагает мне.

– Ты принес мне мои вещи? – спрашиваю, принимая пирог.

Парень смотрит вдаль на озеро и задумчиво жует свой кусок.

– Я не смог, – проглотив, отвечает он, искоса поглядывая на меня. – Видимо, тебе придется прийти завтра в деревню.

На секунду мне кажется, что Рен снова шутит, ведь зачем-то он полез на гору со своей больной ногой. Какой в этом смысл, если не взял то, о чем я просила? Однако он не улыбается, не подмигивает, а просто продолжает смотреть на тихую гладь воды. И я понимаю, что парень говорит серьезно.

– Понятно. – Пытаясь скрыть недоумение и разочарование, я быстро обдумываю, что нужно будет сделать в течение следующей пары дней, прежде чем приедет почтовая телега. – Ничего страшного. Правда, не уверена насчет завтра. Посмотрим. – Посмотрим на настроение моего отца. – Ты можешь подержать их у себя, пока я не приду за ними?

Он улыбается.

– Если только кто-то другой первым их не заберет. Я шучу! – добавляет он, заметив выражение моего лица. – Они твои. Я достал их специально для тебя. Думаю, будет справедливо, если ты расскажешь, зачем они тебе.

Я пожимаю плечами.

– Я думала, это и так понятно.

– Конечно. Но для чего они?

Я устала от этого разговора, потому что мы ведем его уже далеко не в первый раз.

– Рен, я тебе не скажу. Ни сегодня, ни завтра. Никогда. Так что перестань спрашивать.

Он смотрит на меня испепеляющим взглядом, но я не сдаюсь. Я прекрасно умею хранить секреты. Рен моргает и снова переводит взор на озеро.

– Собирается туман, – сообщает он, и я вижу, что парень прав.

Клубы тумана оседают у прибрежных зарослей камыша, отчего те приобретают немного размытые очертания. Рыба плещется у поверхности, и по воде идет рябь. В то же время температура будто бы падает, и я потираю руки, внезапно ощутив холод.

– Знаешь, могла бы мне и рассказать. – Рен не сводит глаз с воды, его голос звучит беззаботно. Однако меня не проведешь. А он продолжает: – Ты можешь мне доверять.

– Проблема не в доверии. Просто это не твое дело, – спокойно отвечаю я, поднимаясь на ноги. – Вставай, тебе еще нужно на работу. И нам лучше не оставаться на горе после того, как стемнеет. Мы с па думаем, что сеть порвала бешеная луга. Не стоит нам здесь задерживаться.

Я подаю парню руку, но он не обращает на мой жест никакого внимания и неуклюже поднимается, опираясь всем весом на левую ногу.

Прежде чем уйти, я еще раз проверяю уровень воды и с ужасом отмечаю, что за те несколько часов, что мы были здесь, он снова упал на целых два с половиной сантиметра. Я поворачиваюсь на восток, в сторону деревни. И хоть ее и не видно отсюда, я живо представляю себе лесопилку у реки, ее без устали крутящееся колесо, которое засасывает озерную воду. Бревна размалывают в волокнистую массу, и целые бочки воды во время этого процесса превращаются в пар. Озеро становится облаком.

Я решаю, что мне придется снова поговорить с отцом. Нужно что-то делать.

– Смотри, – Рен указывает на виднеющееся сквозь дымку тумана место у склона горы, до которого обычно нельзя дойти, – видишь дыру? Готов поспорить, она ведет к хаткам выдр.

– Норам, – шепотом поправляю я, – выдры живут в норах.

Я смотрю в точку, куда указывает его палец, и щурю глаза, пытаясь лучше рассмотреть. Прямо над поверхностью озера виднеется темное отверстие в горном склоне.

– Она слишком большая для норы, – говорю я.

– Из-за того, что уровень воды упал, теперь ее размывают волны. Выдрам это не нравится. Скорее всего, они испортили вашу сеть. В знак протеста.

Я издаю смешок, а потом замолкаю и замираю. Выдры – пугливые создания. Всю свою жизнь я прожила у озера и не видела ни одной выдры, хотя несколько раз натыкалась на их следы. И я точно никогда не видела, чтобы вода опускалась так низко и открывала вход в их нору, если это действительно она.

– Или… – голос Рена становится напряженным и зловещим, – возможно, сеть порвал обитающий в озере монстр. Ужасное, древнее чудище, восставшее из глубин, чтобы обрушить свою месть на Ормсколу.

– Может, – соглашаюсь я, не сдерживая улыбки. Здесь есть только один монстр, и живет он вовсе не в озере. Однако я молчу, и Рен тоже молчит.

Туман сгущается, солнце опускается ниже по небосводу.

– Пойдем, – командую я.

Снова надеваю арисэд и отправляюсь в путь, волоча за собой тележку.

На обратной дороге мы почти не разговариваем, каждый погрузившись в свои мысли. Время от времени кто-то из нас замечает и показывает другому сокола или рыбу. До самого подножия горы за нами по пятам движется туман.

– Ты сможешь дойти до деревни в одиночку? – интересуюсь я, когда мы подходим к развилке. Одна дорога приведет его в Ормсколу, а другая, идущая в противоположном направлении, доставит меня домой.

Рен выразительно смотрит на меня.

– Если я скажу «нет», ты предложишь проводить меня? Или пригласишь в гости? – Я никак не реагирую, и он улыбается. – Со мной все будет в порядке. А как насчет тебя?

В ответ я приподнимаю подол верхней юбки и демонстрирую кобуру. В ней один из парных кремниевых пистолетов моего отца. Еще у него есть ружья, которые мне брать запрещено. Пистолет заряжен, остается только взвести курок. Мне не хотелось бы возиться с порохом и пулями, если бы на меня нападала луга. К счастью, я хороший стрелок. И на всякий случай в кармане у меня лежит складной нож.

Рен не удивляется, увидев пистолет. Да и с чего бы ему удивляться, учитывая, что я попросила его достать для меня.

– Значит, для этого тебе нужны были пули? – интересуется он, прищурив глаза. – Они будут для него слишком маленькими.

Кажется, мы стали называть вещи своими именами. Я медленно расправляю блузу.

– Это не твоя забота.

Кажется, Рен хочет сказать что-то еще, но только разводит руками в стороны, отворачивается и медленно шагает вниз по тропе, ведущей в Ормсколу. Я наблюдаю за парнем, пока тот не скрывается за поворотом. Последнее, что вижу, – это его волосы, лучами заходящего солнца окрашенные в красный. Затем я отправляюсь к сараям, одной рукой таща за собой тележку, а другую держа на пистолете. Чуть позже я возвращаюсь домой.

Глава четвертая

Я открываю дверь, и мое сердце чуть не останавливается от удивления. Из кухни доносится звон посуды. Там кто-то есть, и этот кто-то делает за меня работу, которой я занималась с девяти лет. А запах. Я узнаю этот запах. Бывали дни и ночи, когда я мечтала вдохнуть этот аромат, когда почти все бы за него отдала. За мягкий картофель, приготовленный в мундире и щедро политый сливочным

соусом с сыром и травами и фаршированный хрустящими кусочками копченого бекона. Пребывая в состоянии оцепенения, я опираюсь на дверной косяк. У меня изо рта текут слюнки, а в голове роятся мысли. Он готовит. Мой отец готовит. Ничего хорошего это не сулит. Я не иду прямиком на кухню, вместо этого следую в отцовский кабинет, чтобы положить пистолет в ящик с замком. Потом направляюсь в ванную, чтобы отмыться и спокойно поразмышлять о том, почему родитель ни с того ни с сего решил готовить. Объяснения этому явлению мне придумать не удается. В своей комнате я надеваю чистую блузу и юбку, прячу в карман складной нож, а потом принимаюсь усмирять свои дикие локоны, пытаясь заплести их в нечто, напоминающее косу. Когда я завязываю на ее кончике нитку, та лопается, не в силах больше справляться с моими космами. Я ищу другой обрывок нити, но быстро сдаюсь и завязываю на голове желтый шарф, который нахожу в недрах комода.

Когда я наконец подхожу к кухне, отец стоит лицом к печи. В его руке сверкает нож, и с бешено колотящимся сердцем я останавливаюсь на пороге.

Сглатываю ком в горле. «Расслабься, – говорю я себе, – он бы не стал утруждаться и готовить еду, если бы собирался убить тебя до ужина. Если он и планирует это сделать, то после». Так себе утешение. Черный юмор.

– Пахнет вкусно, – замечаю, входя на кухню. Раз уж он делает вид, что это нормальная ситуация, мне остается только подыграть. – Новая сеть на месте. Я проверю ее через пару дней. Следов луги, кстати, я не обнаружила.

Отец продолжает стоять ко мне спиной, но мычит что-то нечленораздельное в знак того, что услышал меня. Я зажигаю свечи, расставляю тарелки и столовые приборы. Он открывает печь и достает оттуда горячий противень. Исходящий от него аромат тимьяна и скорой гибели наполняет комнату.

Когда отец поворачивается, держа прихватками-рукавицами противень, он бросает на меня взгляд и останавливается так резко, что, как мне кажется, вот-вот уронит еду. Но он быстро приходит в себя и несет противень к столу, пока я наливаю ему темного пива. Ставлю его стакан, а себе беру воду.

И только тогда набираюсь смелости, чтобы поинтересоваться:

– Все в порядке? – Отец все еще смотрит на меня, но по его лицу ничего понять невозможно.

– Твои волосы… – Я жду продолжения фразы, но вместо этого он говорит: – Садись. Готово.

Обратив внимание на противень, вижу, что он приготовил на троих, как раньше. Я, он. И мама.

От этого мне становится больно. Впервые за долгое время в груди возникает знакомое ощущение, как будто кто-то изнутри резко толкнул меня локтем. Там, где сердце. Я закрываю глаза и дышу ртом, ожидая, когда это пройдет.

Когда я поднимаю взгляд, то замечаю, что отец уже начал есть. Словно все в порядке. А может, действительно, все в порядке, и я просто веду себя глупо. Сомневаюсь, что он вообще понимает, что произошло.

Подавив печаль, я сажусь за стол и беру с противня одну картофелину. С нее на тарелку капает соус, из сердцевины тягуче вытекает сыр с беконом. Когда я была маленькой, это было его коронное блюдо. Я просила отца приготовить его минимум дважды в неделю, несмотря на то, что выполнял он мою просьбу не чаще, чем два раза в год. Он выпекает картошку в печи, закопав ее в угли. Когда она почти готова, достает клубни, очищает их от сажи, проделывает отверстие и выскребает серединку. Потом смешивает мякоть картофеля с сыром и беконом, фарширует этой смесью клубни и затыкает отверстие. Перед подачей срезает верхнюю часть картофелин и поливает их сливочным соусом, посыпает чесноком, луком, тимьяном и эстрагоном. Картофель получается соленым, с дымком, жирным, сливочным. Он на вкус как дом, но я слишком волнуюсь, чтобы откусить кусочек, слишком боюсь того, что может всплыть на поверхность. Поэтому вместо этого я делаю глоток воды.

– Он ухаживает за тобой? Маррен Росс?

Я едва не выплевываю воду. Рен ухаживает за мной? Словно он благородный лорд, а я девица-красавица, чью руку и сердце он мечтает заполучить. Мне даже немного хочется, чтобы Рен был здесь и слышал это. Он бы умер со смеху.

С трудом мне удается сохранить невозмутимое лицо, и я отвечаю:

– Нет. Никто за мной не ухаживает. Рен просто достает бумагу, которая нужна мне для работы. По дешевке прямо с лесопилки. Он принес ее сюда, потому что я не спустилась в деревню. Понимаешь, почтовая телега прибудет в конце недели, поэтому мне нужно закончить в ближайшие пару дней.

– Хм-м-м, – недовольно тянет отец, а затем замолкает, как и всегда, стоит мне заговорить о своей работе.

Именно ради этого я о ней и упомянула.

Все началось с того, что я решила в очередной раз доказать отцу, что жизненно ему необходима, и заработать денег. Наевфуилю платят немного. И раньше в этом не было ничего страшного, так как смотрителю также полагалось немного мяса, коровьего молока и зерновых. Однако те времена давно в прошлом, как и приданое моей матери, как и доброе имя моей семьи. Я же, напротив, зарабатываю достойно. К тому же благодаря помощи Рена с бумагой беру гораздо меньше, чем писцы из города, а еще у меня прекрасный почерк, и я не стесняюсь об этом говорить. Мои услуги востребованы.

Настолько, что мне предложили работу в Терсо.

Если уж на то пошло, я решила поступить по-умному. Большинство беглецов отправляются на юг, в Инвернесс, и если кому-то вздумается искать меня, то делать это будут там. Поэтому я направлюсь на восток. Стану работать помощником писаря в церкви Святого Петра. Он готов нанять меня, даже несмотря на то, что я девочка. И вот уже четыре года я строю планы, откладываю деньги, навожу справки. Сейчас я в четырех днях от того, чтобы сказать Ормсколе: «Поцелуй меня в зад!» и уехать отсюда в лучшее место.

Прощайте, жители деревни со своими предрассудками. Пока, испорченная репутация. До свидания, угроза стать жертвой убийства.

Я не могу дождаться.

Привкуса свободы достаточно, чтобы разжечь мой аппетит, и я с удовольствием принимаюсь за ужин, проглатывая вместе с мягкой картошкой и беконом свои воспоминания.

– Так что, он вернется сюда?

Я перестаю жевать и, пока с недоумением смотрю на отца, на меня снисходит понимание. Вот почему он приготовил еду. Вот почему тут три порции. Не по привычке, а на случай, если я вернусь домой вместе с Реном. Это показуха, а не ужин. «У нас тут все в порядке, парень. Всего лишь обыкновенный отец, который заботится о своей дочери. Не хочешь ли картошечки?»

Отец считает так: если Рен заинтересован во мне, то может заметить, что у меня что-то случилось, и поэтому присматривает за мной. Парень может рассказать жителями деревни, что я, например, пропала. В конце концов, потеря одного члена семьи еще может быть списана на неосторожность, но двух – это уже слишком подозрительно.

– Он сын Лиз Росс, так ведь? – продолжает отец, так и не дождавшись моего ответа. – И, говоришь, он работает на лесопилке?

– Конечно. Где, если не там?

– Даже с его ногой?

– Но он же не ногой бумагу разрезает.

В ответ отец снова мычит. Дальше мы ужинаем в тишине, делим последнюю картофелину, словно он наготовил столько, чтобы мы смогли поесть вдосталь, а не потому что ожидали гостей.

После ужина мы возвращаемся к привычному распорядку дня, и от этого я испытываю облегчение. Я убираю со стола, а отец плавит основание свечи, чтобы установить ее на блюдце. Он делает так каждый вечер, хотя у нас есть отличные серебряные подсвечники, которые достались нам с наследством мамы, когда отец женился на ней.

Когда он проходит мимо, направляясь в свой кабинет, у меня перед глазами внезапно предстает образ матери. На секунду мне кажется, что она здесь, рядом со мной. Своим строгим голосом, никак не вяжущимся с плавными изгибами губ, или с блестящими глазами выговаривает отцу, что мы не станем беречь

подсвечники для особого случая и не нужно беспокоиться о том, что от частого использования они испортятся.

В последнее время в голове всплывает слишком много воспоминаний. Будь я подозрительным человеком, уже бы забеспокоилась.

Я пожимаю плечами, чтобы стряхнуть с себя прошлое, и ставлю греться чайник. Слушаю, как скрипит стул, когда отец усаживается на него, как он шумно открывает учетный журнал, как на стол с хлопком опускается тяжелая деревянная обложка.

Каждый вечер мой отец исправно заполняет учетный журнал наевфуиля. Даже две зимы назад, когда из-за жара мы оба лежали в бреду, он все равно вставал, проводил свои проверки, а потом скрупулезно записывал наблюдения в журнал до тех пор, пока не терял сознание прямо у рабочего стола. Ему легче было бы отрастить крылья и воспарить над горой, чем взять выходной. Вот что значит быть наевфуилем.

Слово «наевфуиль» с древнего языка приблизительно переводится как «благословенный святой». Если вернуться на несколько веков назад, во времена, когда люди верили, что в озере живет целая куча богов, ждущих поклонения и жертвоприношений, наевфуиль был избранным посредником между человеком и божествами. Давным-давно он играл самую важную роль в деревне.

До тех пор, пока единый истинный бог не устроил землетрясение, от которого гора раскололась надвое и погибли все языческие озерные боги. Из-за этого наевфуиль стал почти бесполезным, а озеро настолько увеличилось в размерах, что я дохожу до изнеможения, когда мне приходится обходить его.

Я зажигаю еще несколько свечей и расставляю их по кухне, чтобы создать иллюзию радостной атмосферы. При таком освещении помещение выглядит уютным: стол со скатертью в красно-белую клетку, буфет с фарфоровой посудой, которую я протираю от пыли каждую неделю, хотя мы не пользуемся ею целую вечность. На стене развешаны медные сковородки, между ними сушатся связанные в пучки травы. Годы идут, ничего не меняется.

Когда я мою посуду, замечаю в окне свое отражение, размытое из-за осевших на стекле капелек жидкости и искаженное из-за его выпуклой формы. В нем мои

щеки выглядят круглее, и на секунду мне кажется, что на меня смотрит мама.

Испугавшись, я провожу рукой по стеклу, отчего по нему стекают ручейки воды, а видение исчезает. Снимаю с головы шарф и засовываю его в карман, перебирая пальцами волосы, чтобы вернуть им естественный объем. Когда снова смотрю на свое отражение, я вижу только себя. Опершись бедрами о край раковины, я наклоняюсь вперед и открываю окно, чтобы пар вышел на улицу. Вместе с этим на кухню пробирается туман, принося с собой холод. Я на некоторое время замираю, прислушиваясь к слабому плеску воды, омывающей берега озера, и к полнейшей, густой тишине окружающего его пространства. Интересно, каково мне будет жить в большом городе, наполненном скрипом карет, криком людей и другими подобными звуками.

Я еще раз подаюсь вперед, закрываю окно на задвижку и затворяю ставни. Потом завариваю чай, беру в одну руку две чашки, в другую – свечу. Остальные свечи я задуваю.

– Ты заменила сеть, говоришь? – спрашивает отец, когда я подхожу к нему, и пока ставлю его чашку на стол, бормочет: – Спасибо.

– Заменила. Ах да, уровень воды снова упал. Со вчерашнего дня сантиметров на двенадцать. На заросшем болотистом берегу он такой низкий, что начинает высыхать ложе озера. – На секунду я замолкаю. – Мне кажется, вода упала даже за то время, что мы там были. Сантиметра на два-три, думаю. Я поняла по столбам с мерными метками.

Родитель поворачивается вполоборота, и свет настольной лампы подсвечивает его суровый профиль.

– Ты говорила об этом этому Россу?

– Мне не пришлось ему ничего говорить. Он сам заметил.

Отец полностью поворачивается ко мне.

– И он, скорее всего, расскажет об этом Джайлзу Стюарту? – Он с презрением произносит имя владельца лесопилки, выплевывая его как яд.

– Нет, конечно, нет. Однако Джайлз все равно узнает, потому что ты напишешь ему и сам расскажешь, – говорю я. Отец не произносит ни слова, и я решаю спросить в лоб: – Па, ты написал отчет, так ведь? Потому что Джайлз собирается расширять лесопилку. Ему нужно сообщить, что он не может этого сделать. Озеро уже сейчас не выдерживает забора воды.

– Я еще не написал. Пока нет, – сквозь зубы отвечает отец.

– Но…

– Я сказал: пока нет, – гремит его голос. – Ты думаешь, я не знаю свою работу? Я не хочу, чтобы вся деревня притащилась к озеру, пока в этом нет особой нужды. Джайлз глупец, если считает, что лесопилка может работать день и ночь напролет, и это не вызовет никаких последствий.

Он отворачивается к столу, давая понять, что разговор окончен, и я поспешно ретируюсь в свою комнату, стараясь по пути отдышаться. За один раз я умудрилась нарушить все пять правил. Настоящая идиотка. Я так близка к тому, чтобы сбежать отсюда, как можно быть такой глупой и рисковать всем именно сейчас?

Я закрываю дверь, ставлю чай и свечу на небольшой столик у кровати и ложусь. Насчет одной вещи мой отец прав: жадность Джайлза Стюарта является причиной такого стремительного падения уровня воды. Всю зиму он занимался повышением производительности лесопилки, а теперь хочет расширять ее и строить еще одну башню для переработки древесины. Невозможно отрицать, что именно из-за Джайлза расходуется много воды слишком быстро: ресурс не успевает обновляться. Он, конечно же, должен быть в курсе происходящего? Ему должно быть известно, что озеро не бездонное.

Я одергиваю себя, потому что мне не стоит об этом думать. К тому времени, когда это будет иметь значение, я уже давно покину эти места. Это не мое дело и не моя проблема. Мои проблемы будут за много километров отсюда, в Терсо. Именно об этом мне следует думать в свободное время. О новой жизни.

Подложив под голову подушку, я пытаюсь представить ее. Новый город, новая я. Мое собственное жилье. Работа. Друзья.

Может даже…

Донесшийся с улицы женский крик рушит мои фантазии.

Я так быстро вскакиваю, что едва не роняю чашку с чаем. Еще до того, как встаю на ноги, в моей руке оказывается складной нож. «Это, должно быть, луга, – догадываюсь я. – Не женщина. Крик луги звучит почти так же».

Когда я открываю дверь, мимо с ружьем в руках проходит отец. Ствол открыт и опущен вниз, родитель закладывает туда патроны, а потом легким движением кисти защелкивает его.

Поворачиваясь ко мне, он ставит ружье на предохранитель.

– Оставайся здесь.

А потом он просто уходит в ночь. Я бегу к окну, однако из-за отражения комнаты происходящего снаружи не видно. Я пальцами тушу свечу, но из-за тумана все равно не могу рассмотреть ничего дальше пары метров. Ни отца, ни какой-нибудь кошки. Затаив дыхание, я замираю и жду.

С заднего двора со стороны курятника снова доносится крик.

Сжав в кулаке нож, я выбегаю из комнаты и, прижимаясь к стене, крадусь по коридору в сторону кухни. Там открываю ставни и прислушиваюсь.

Вокруг стоит тишина, но у меня по затылку бегут мурашки. Как будто за мной кто-то следит.

Что-то врезается во входную дверь, и я вскрикиваю. Затем бегу к ней, занеся руку и покрепче ухватив нож…

Дверь распахивается, и я едва успеваю остановиться и не поранить отца.

Его лицо не выражает никаких эмоций, а взгляд пустой. Он явно не понимает, что чуть не стал ножнами для моего ножа. Я опускаю оружие, сердце бьется со скоростью тысячи мчащихся лошадей. Родитель ничего не говорит, а лишь

смотрит на меня, нет, сквозь меня. Он, кажется, даже не замечает лезвия у меня в руке.

У меня кровь застывает в жилах.

– Папа? – Я так не обращалась к нему с детства. И голос мой звучит тонко, как у ребенка.

Наконец отец замечает меня.

– Убери это, – говорит он, свирепо взглянув на нож. Я складываю его и прячу в карман.

– Ты убил ее? – спрашиваю, понимая, что мне известен ответ, так как не слышала звук выстрела. – Хочешь вернуться и посмотреть? – предлагаю я. – Я могла бы пойти с тобой…

– Нет! – резко отвечает он, сверкая глазами. – Не выходи из дома, слышишь меня? И не подходи к окнам. Ты поняла меня, Альва?

Я гляжу на него и от страха не могу сдвинуться с места и пошевелить языком.

– Ты слышишь меня? – буквально кричит он, хватает за плечи и трясет так, что у меня начинают стучать зубы. – Ты не покинешь эти стены без моего разрешения.

Мне удается кивнуть, и только тогда отец отпускает меня.

Не произнося больше ни слова, он уносится в свой кабинет и закрывает за собой дверь.

Я продолжаю стоять на том же месте, мои внутренности словно стали жидкими, и почему-то мне страшно пошевелиться. Даже не представляю, что произойдет дальше: потеряю сознание, меня вырвет, я расплачусь или чего похуже. Поэтому не делаю ничего до тех пор, пока вновь не обретаю способность двигаться, не боясь потерять контроль. Затем я возвращаюсь в свою спальню, закрываю дверь, останавливаюсь в центре комнаты и считаю удары своего сердца. Плакали все мои старания. Я оказалась совсем не готова. Я даже не пыталась защищаться.

Закрываю ставни и, убедившись, что отец не зайдет ко мне, опускаюсь на колени и отодвигаю в сторону сшитый мамой потрепанный коврик. Приподнимаю деревянную половицу и прячу нож.

В подполье у меня уже спрятаны: крепкая полотняная сумка; новенький арисэд (однотонный, а не в клетку); пара ботинок с толстыми подошвами; два невероятно красивых украшенных кружевом платья, которые я никогда бы не надела в Ормсколе; набор резных инструментов для письма; коричневые, черные, красные и синие чернила; кипа золотой фольги и почти две сотни крон золотыми, серебряными и бронзовыми монетами.

И револьвер, из которого семь лет назад мой отец застрелил мою мать.

Глава пятая

На следующее утро я просыпаюсь рано. Оказывается, родителя уже нет дома. Сначала я испытываю облегчение, а потом понимаю, что он забрал с собой молоко, остатки вчерашнего хлеба, полголовки сыра и сушеные колбаски из кладовой.

Приходится утолить голод водянистой кашей и чаем, черным, как и мое настроение. Я могла бы подоить козу, слышу, как она блеет на улице. Однако с моим везением отец вернется в тот момент, когда я буду во дворе, и устроит мне адскую взбучку за то, что посмела ослушаться. Лучше дождаться его возвращения.

Я иду к нему в спальню, чтобы навести там порядок. Выясняется, что его кровать аккуратно застелена, одеяла заправлены моими заботливыми руками. Очевидно, отец не спал на них. А когда я проверяю его кабинет, оказывается, что не хватает одного ружья и коробка с патронами наполовину пустая. Скорее всего, он ушел прошлым вечером, когда я уснула. Отправился охотиться на лугу. Целую ночь провел вне дома.

Я возвращаюсь в свою комнату, где под полом лежит мой собственный револьвер. Снова поднимаю половицу и достаю его, ощущая в руке непривычную тяжесть.

Не знаю, зачем я его взяла. Не знаю, зачем до сих пор храню. Он красивый, если так можно сказать об оружии. Кремниевые пистолеты, которыми мне разрешено пользоваться, принадлежали бабушке отца. Их деревянные части поцарапаны, металл потускнел, несмотря на то, что за ними тщательно ухаживали. Они старые, и это видно. А вот револьвер, из которого убили мою мать, по-настоящему прекрасен.

Рукоять выполнена из белого дерева, инкрустированного переливающимися осколками раковин моллюсков. Она имеет закругленную форму и хорошо ложится в ладонь. Ствол длинный и даже элегантный. Ему нужны особые пули: сияющие, серебристые, остроконечные. Они отличаются от свинцовых шариков, которыми стреляют кремниевые пистолеты. Но самое главное, что за один раз можно заряжать несколько пуль. В зарядную камеру уютно помещается шесть патронов, и она вращается. И не нужно возиться с порохом, ведь механизм работает как часы. Я знаю, потому что стреляла из него, хотя он и не был заряжен. Должно быть, заряженный он обладает сокрушительной силой. Бах! Бах! Бах! Бах! Быстрее, чем удары сердца.

Раньше он не умещался у меня в руках, но теперь все в порядке.

Иногда я подумываю о том, чтобы выбросить револьвер в озеро и позволить воде и времени уничтожить его. Иногда я представляю, как кладу его на стол между мной и отцом за ужином. Просто и аккуратно, ничего не скрывая. Или же отдаю его шерифу, когда тот в очередной раз оказывается неподалеку. Рассказываю ему то, что должна была рассказать семь лет назад.

В более мрачном настроении я воображаю, что использую его для возмездия, отправляю две последние пули туда, где им место.

В моменты честности я думаю, что возьму его с собой и спрячу под другими половицами еще на семь лет. Но теперь, по крайней мере, у меня будут для него пули. Я так давно их хотела, всего четыре штуки, чтобы заполнить барабан. Не могу отделаться от ощущения, что револьвер хочет быть наполненным. Укомплектованным.

Конечно же, чтобы достичь этого, мне нужно спуститься в Ормсколу, найти Рена, и сейчас, когда мне запретили выходить из дома, эта задача усложнилась.

«Ты могла бы спуститься с горы и вернуться за три часа», – звучит в моей голове хитрый голос.

Я снова прячу револьвер, затем выглядываю из окна, всматриваясь в озеро. Отца нигде не видно. Однако это не означает, что он не может вернуться домой в любую минуту.

«Он взял с собой столько еды, – продолжает голос. – Очень много еды. Держу пари, он не планирует возвращаться как минимум до ужина».

В кухне часы бьют восемь. Ужинаем мы обычно в шесть вечера.

«Спуститься и вернуться за три часа… возможно, твой последний шанс…»

О черт.

Не успев хорошенько все обдумать, обнаруживаю себя на улице с корзиной в руке. В коричневом однотонном арисэде я крадусь по берегу озера и внимательно высматриваю любые следы отца. Когда добираюсь до горной тропы незамеченной, страх немного отпускает; шанс наткнуться на него здесь весьма невелик. Если, конечно, он все-таки не отправился к Джайлзу. Но что-то подсказывает мне, что там его точно нет. Я в последний раз смотрю на север, а потом начинаю спуск.

Почти час спустя, когда я преодолеваю последний изгиб горной тропы, проводя пальцами по зарослям вереска, тишину нарушает приглушенное гудение лесопилки. Потом я вижу Ормсколу: симпатичные домики с соломенными крышами и белыми стенами. Они сияют на солнце, а по обнесенным аккуратным забором квадратикам грязи за ними бегают крошечные точечки-цыплята. Это похоже на иллюстрацию из сборника сказок. По мере того как приближаюсь к деревне, мне приходится бороться с желанием петь. Мои волосы спрятаны под арисэдом, а щеки розовые от ветра. Простая деревенская девушка на пути к живописной деревне, которую она зовет домом…

А вот от подъема в гору у меня адски будут болеть ноги.

Однако это еще впереди, как и остальные мои проблемы; к тому же под теплыми лучами солнца сложно не поддаться хорошему настроению. Корзинка висит на сгибе левой руки, а в правой я держу надежный кремниевый пистолет, снова на взводе. Мне нравится ощущать его вес, как и вес ножа, что на каждом шагу несильно бьется об мою ногу. Что за девушка, да чего уж там, что за человек находит успокоение в подобных вещах?

Такая вот девушка. Такой вот человек. Что тут поделать?

На подходе к деревне я прохожу мимо лесопилки: длинного здания без окон, но с башней, от которой поднимаются в воздух клубы белого пара, и огромным колесом, вытягивающим воду из реки. На таком небольшом расстоянии ее шум оглушителен, повсюду рев, скрип и грохот. Я морщу нос, как будто это может помочь. Когда Джайлз расширит лесопилку, станет в сто раз хуже. А что касается потребления воды… «Не мое дело, – напоминаю себе, – не мое дело, не моя проблема. Уже не моя».

Подходя к Ормсколе, я разряжаю пистолет и прячу его в корзину. Настроение тут же портится. Вблизи она все так же похожа на место из сказки, но в тот момент, когда я пересекаю мост и вхожу в деревню, сюжет меняется. Я больше не отважная молодая героиня, а чудовище. Или если не само чудовище, то его дочь. Во всяком случае, Джайлз заставил жителей поверить именно в это.

И он прав. Джайлз абсолютно прав насчет моего отца. Он убийца.

Я знаю, потому что видела.

И поэтому я не могу злиться на местных за такое ко мне отношение.

По пути я миную сидящего в своем саду Ольда Йена Стюарта. Какой-то дальний родственник Джайлза, что-то вроде четвероюродного брата. Он замечает меня и охает, а потом целует костяшки своих пальцев и прижимает их ко лбу, открещиваясь от меня, как от горного духа. Женщины отгоняют детей от калиток, когда я прохожу мимо, словно то, что я росла без матери, – недуг, который может им передаться. Мужчины, идущие мне навстречу по дороге к лесопилке, не сводят с меня прищуренных глаз. Они будто пытаются решить, на

кого я больше похожа: на своего затворника и, возможно, убийцу отца или на свою, как поговаривают, покинувшую мужа и ребенка мать. Даже не знаю, какой вариант им кажется более привлекательным.

Судя по словам Рена, никто не поверил Джайлзу, когда тот примчался с горы и начал кричать про убийство. Все кивали и соглашались, мол, да, как ужасно. Однако большинство посчитало, что моя мать по собственной воле ушла в Балинкельд или дальше, когда поняла, что связала свою жизнь с человеком, для которого озеро всегда на первом месте. За несколько предшествовавших ее исчезновению недель они повидали достаточно, чтобы поверить, что она не выдержала и, в конце концов, сбежала.

На самом деле именно эта история вдохновила меня уйти. Мне нравится, как люди верят, что моя мама где-то ведет жизнь, которую выбрала сама. Я не смогла спасти ее от отца, но кое-что для нас могу сделать.

Когда дохожу до площади, я с удивлением обнаруживаю людей, стаскивающих к ее центру старую мебель и обрезки бумаги с лесопилки, чтобы сделать костер. И только тогда вспоминаю, что уже канун Самайда – праздника, знаменующего наступление лета.

Я смотрю на разрастающуюся кучу дров и почти что чувствую вкус приготовленных на костре колбасок, соленого масла и горячего хлеба. Вспоминаю о последнем урожае яблок, собранных прошлой осенью. Зимой их сушат, потом режут на ломтики, насаживают на палочки и окунают в горячую карамель. Она капает на пальцы и ладони, и потом их приходится облизывать дочиста. Разлитый в маленькие чашечки березовый сок на вкус как шелк. Отец сажает меня на плечи, чтобы поднять над толпой, и я могу видеть играющих скрипачей, кружащихся танцоров, целующихся влюбленных.

Помню, как в один год отец снял меня со своих плеч и купил горячий виски для себя и мамы и рожок с леденцами со вкусом еловой шишки для меня, чтобы я не скучала, пока они пьют. Помню, что мама оттолкнула свою чашку и рассмеялась.

– Мне же нельзя сейчас пить, так ведь? – проговорила она, а отец уставился на нее, сбитый с толку, а потом хлопнул себя по лбу.

– Я забыл, – с улыбкой повинился он.

– Везет тебе, – ответила мама, и оба засмеялись.

Тогда я не поняла, что смешного. Когда они обнялись, я почувствовала себя одинокой и брошенной…

В памяти всплывает еще одно воспоминание с того же праздника: щуплый мальчишка с падающими на глаза светло-каштановыми волосами сидит в одиночестве у колодца, а к его ноге привязана здоровая металлическая пластина. Он зло смотрит по сторонам, словно силой мысли может отпугнуть людей. Но не меня.

Я отхожу от обнимающихся родителей и подсаживаюсь к нему, предлагая конфету. Помню звук, с которым он вгрызался в леденец, скрип зубов по твердому сахару. Мальчишка попросил еще, и я поделилась. Он съел весь рожок, пока я рассасывала одну конфету. Рен.

Это был последний Самайд, на котором я присутствовала. Как раз после него…

– Альва?

Я замечаю прямо перед собой Гэвина Стюарта, сына Джайлза, робко размахивающего рукой у меня перед глазами. Позади него стоят его друзья, которые раньше были и моими друзьями, и наблюдают. На их лицах отражаются удивление, растерянность и, возможно, немного презрения. Все вместе. В ответ я выпрямляю спину.

– Привет, – говорит Гэвин, в его карих глазах светится удовольствие. – Рад тебя видеть. Давненько мы не встречались. Как ты?

– Все нормально. – Я кивком указываю на костер. – Как продвигаются дела?

– Хорошо. Будет отличный праздник. Думаю, лучший из всех. Ты… планируешь прийти в этом году?

Не многие задали бы мне этот вопрос без нотки фальши в голосе, но интерес Гэвина искренний. Он копия своего отца: такие же рыжие волосы с золотым отливом, румянец на лице, то же крепкое телосложение, но характер у Гэвина

просто замечательный. Хотя, имея такого отца и заискивающих перед ним односельчан, он мог бы позволить себе быть скверным. Однажды лесопилка достанется ему, а это означает, что и Ормскола окажется в его руках. Большинство юношей, обладай они подобной властью, превратились бы в негодяев. Однако Гэвин… он всегда был добрым.

– Нет, – наконец отвечаю я, принося облегчение всей его компании.

Гэвин, может, и порядочный человек, но Хэтти Логан, Кора Рейд и Джейм Баллантайн – нет. Много времени прошло с тех пор, как мы были друзьями. Если быть точной, семь лет.

– Подумай хорошенько, – продолжает Гэвин. – Мы совсем не видимся в последнее время.

– Па не дает мне передохнуть, – отзываюсь я. – С этим озером столько работы.

– Ну, если ты передумаешь, я приберегу для тебя танец.

Он улыбается мне такой ослепительной и милой улыбкой, что я неосознанно улыбаюсь в ответ.

А потом замечаю Рена, которой украдкой машет мне, прежде чем скрыться за поворотом на ведущей к таверне улочке. Он напоминает мне о том, что я пришла сюда не для того, чтобы портить настроение жителям деревни.

– Мне пора, – говорю я.

– До завтра? – с надеждой интересуется Гэвин.

– Увидимся, – произношу я и только отойдя понимаю, что это может быть расценено как обещание.

Сначала я направляюсь в магазин, прокрадываюсь меж рядов, уставленных банками с маринованной капустой и луком, с молоком и маслом, притворяюсь, что выбираю между двумя мешками муки, пока единственный находящийся внутри покупатель не уходит.

– Есть новости о почтовой телеге? – не здороваясь, спрашиваю у Мэгги Уилсон, когда подхожу к прилавку.

Какой смысл притворяться, что мы приятельницы? Однажды я слышала, как она нарочито громким шепотом (явно специально для меня) говорила миссис Логан, что я однажды порежусь о собственное остроумие. Старая лицемерка. Она и сама за словом в карман не лезет.

Мэгги Уилсон знает все об Ормсколе. Джайлз использует деньги и лесопилку, чтобы заработать всеобщее признание, но именно Мэгги – прирожденный лидер. Она оставалась единственной владелицей магазина с тех пор, как через несколько месяцев после свадьбы умер ее муж. По слухам, она горевала три дня: первый день плакала, на второй похоронила его, а на третий сделала перестановку в магазине на свой вкус. После этого она снова открыла двери, и с тех пор они никогда не были закрыты. Эти события произошли около сорока лет назад, а она до сих пор на коне: железные нервы и сердце.

Я лучше буду остроумной, чем тупой. Ножи лучше держать заточенными. И кто, как не она, может подтвердить эти слова?

Мэгги смотрит на меня поверх очков-полумесяцев.

– Ага. По моим подсчетам, почтальон будет здесь завтра в районе полудня. Как раз к празднику. – Она сощуривает глаза. – Надеюсь, все станут вести себя прилично, пока в деревне будут гости.

И как по сигналу мои щеки заливает румянец.

Пару лет назад я была влюблена в Дункана Страуда, почтальона. И была не единственной. Когда он впервые приехал к нам, его, двадцатилетнего, только что назначили на должность. В тот день на площади собрались все женщины Ормсколы, желая взглянуть на новенького. Я едва не потеряла рассудок при виде играющих на его руках мускулов, пока он разгружал мешки. Никогда раньше такого не видела.

– Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я вернусь, – уезжая, пообещал он и подмигнул мне. И я пропала. Как оказалось, не так уж много для этого и надо

было.

Шесть месяцев я ждала его возвращения. Уже тогда я готовилась покинуть деревню, но из-за Дункана мои мечты о побеге стали иными. Они превратились в фантазии, где он закидывает меня на плечо, говорит, что просто обязан на мне жениться, что жить без меня не может и забирает с собой.

В свою защиту могу сказать, что мне было четырнадцать. Время наивности. Так что, полагаю, то, что произошло впоследствии, стало для меня хорошим уроком.

Я ждала, когда он вернется. Сидела у обочины ведущей в Ормсколу дороги в своих лучших юбках и блузе, старалась не щуриться от слепящего солнца. Он узнал меня, остановил телегу и предложил подвезти. Я быстро запрыгнула на нее, передала Дункану переписанные мною тексты, а когда он наклонился, чтобы спрятать их, попыталась его поцеловать. И попала ему в щеку. Справедливости ради замечу, что он не рассмеялся. Просто отодвинул меня и произнес невыносимо мягким голосом, что я очень хорошенькая, но слишком маленькая для него. Я убежала.

Спрыгнула с телеги и помчалась обратно в гору, чтобы зализывать раны.

Новые предназначенные для переписывания рукописи он оставил у Мэгги. Та смотрела на меня сердито и с укором, когда я прошмыгнула в магазин и спросила, известно ли ей, что с ними сделал почтальон. Я уверена, он не рассказывал, что произошло, но с тех пор она смотрит на меня осуждающе, стоит только спросить о Дункане.

– Я так понимаю, что ты вернешься, чтобы встретиться с ним? – говорит Мэгги, в то же время неодобрительно фыркая носом. – Насчет работы, – добавляет Мэгги, и я стараюсь снова не раскраснеться.

Если бы она только знала, что Дункан станет моим спасением, хоть сам об этом и не подозревает. Всего через пару дней я спрячусь под мешками с письмами, исполненная благодарности за то, что больше никогда не увижу, как Мэгги кривит лицо.

– Стараюсь не пускать нищету на порог, миссис Уилсон, – широко улыбаюсь ей.

– Нищета не самое страшное, что может поселиться с тобой в одном доме.

У меня перехватывает дыхание.

– Вы о чем это?

– Ни о чем, – произносит она тоном, подразумевающим противоположное. – Не смею тебя задерживать.

Мэгги имеет в виду «выметайся», что я и делаю прежде, чем скажу что-нибудь такое, о чем впоследствии пожалею.

Глава шестая

Я нахожу Рена в таверне Мака. Здесь, как тактично выразился бы благородный человек, «особая атмосфера». На деревянном полу темнеют зловещие пятна, столешницы усеяны царапинами и щербинами, а на барной стойке сидит сторож – грязный одноглазый кот, который кусает всех, кто попадает в поле его зрения.

Это гиблое место, но разве тот, просит о помощи, имеет выбор?

В таверне продается два вида стаута[2 - Ста?ут – темный элевый сорт пива, приготовленный с использованием жженого солода, получаемого путем прожарки ячменного зерна, с добавлением карамельного солода.], один сорт виски и все. Для более почтенных господ, вроде Джайлза Стюарта, есть трактир, где у Рози Тэлбот можно купить приличный ужин и вино. А для таких, как я, Рен и те, кто проводит ночи, вкалывая на лесопилке, существует таверна. Сегодня, как ни странно, она почти пустует, все либо на работе, либо отсыпаются перед ночной сменой.

Рен сидит в углу в обнимку с глиняной пивной кружкой. На нем надето черное пальто, по задранному вороту которого рассыпались волосы. Он не поднимает

головы, пока я не сажусь напротив и не встречаю взгляд его проницательных голубых глаз.

Он съел все леденцы из рожка. Все, кроме того, что был у меня во рту.

Разве я могу такое забыть?

– Привет, – говорю я, тянусь к его кружке и пью из нее, пытаясь таким образом скрыть растерянность. В кружке не эль, а яблочный сок. Очень освежает после пройденного пути. Я снова возвращаю кружку Рену.

– Ты принесла деньги? – тихо спрашивает он.

Я залезаю рукой в корзину и достаю деньги: ничем не примечательный мешочек с монетами, каждая из которых завернута в тряпочку, чтобы они не звенели и не выдавали себя. Я проверяю, где Мак, прежде чем подвинуть мешочек к парню. Кот презрительно смотрит на нас.

Рен проводит рукой над мешком, и тот исчезает. Ладони парня снова лежат на кружке. Он, ни слова не говоря, поднимает кружку и пьет.

– А моя часть сделки? – интересуюсь, когда ловкие руки не исполняют еще один трюк и пули не появляются на столе.

Рен одними глазами указывает в сторону. Там появился Мак, и теперь они вместе с котом наблюдают за нами с легкой насмешкой. Мужчина натирает пивную кружку такой грязной тряпкой, что скорее пачкает ее.

– Не здесь.

– А где же? – шепчу я.

– Пойдем, – отвечает Рен, вставая и выскальзывая из-за стола. У него больная нога, и движения поэтому кажутся неуклюжими.

Я встаю, чтобы следовать за ним, но из-за барной стойки выходит Мак, упирая толстые руки в бока.

– С вас гроут[3 - Гроут – название английской, а затем британской серебряной монеты в четыре пенса.] за напиток.

Ничего неожиданного. Рен не заплатил. Я вынимаю кошелек из корзины, достаю оттуда потертую серебряную монету и выхожу вслед за парнем. Он уже у центра площади, пальто развевается за его спиной словно крылья и привлекает к себе недружелюбные взгляды компании Гэвина. Равно как и я. Только у Рена лучше получается их игнорировать. Он останавливается у края площади и ждет меня.

– На нас пялятся, – бормочу, оборачиваясь на Джеймса Баллантайна и Кору Рейд, которые с отвращением смотрят нам вслед.

– Тебя это беспокоит? – спрашивает Рен, и на его лице отражается удивление. – Стыдно, что тебя увидят со мной? Не хочешь, чтобы они думали, что ты дружишь с этим мальчишкой Россов?

У него поразительно точно выходит изобразить Мэгги Уилсон. Мне требуется несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, и все это время парень не сводит с меня глаз.

– Просто не хочу, чтобы люди распускали слухи, будто я таскаюсь за тобой по Ормсколе, как потерянный ягненок, – объясняю Рену.

Он ухмыляется и, не отвечая, продолжает идти дальше. Я, возмущаясь про себя, плетусь за ним по улице мимо мясника и пекаря, мимо деревенской управы и маленькой часовенки, мимо кузницы Йена Смита.

Мы оставляем позади аккуратные домики с белыми оградами и покрашенными в яркую краску дверями; неухоженные и разваливающиеся лачуги с потрескавшейся краской и заросшими садами, где валяются бутылки; жилища с грязными, заляпанными жиром и пальцами окнами. На мгновение мне начинает казаться, что парень ведет меня к себе домой, и мной овладевает приятное волнение. Я и представить себе не могу домашнего Рена, он чересчур неземной, чтобы жить в обычном доме. Но мы проходим мимо последних построек с их редкой соломой на крышах и замазанными трещинами в стенах, достигаем пастбища и продолжаем идти в сторону леса.

– Мы идем в лес? – недоумеваю я. – Рен? Мне скоро нужно возвращаться.

Меня нет дома уже почти два часа, времени на баловство не осталось.

– Мы почти пришли, – отвечает парень, на неровной дороге начиная хромать еще сильнее.

– Куда? – вопрошаю я, но он молчит.

Под кронами деревьев гораздо прохладнее, а запах смолы и хвои сильный и явственный. Я снова вспоминаю о леденцах, о жадности и страхе на маленьком лице Рена. Интересно, помнит ли он или забыл.

У меня под ногами хрустят коричневые еловые иголки, я зарываюсь в них мысками ботинок и пинаю, пока мой спутник не останавливается на небольшой полянке. Он садится на упавшее бревно и вытягивает ноги перед собой. Правая немного развернута внутрь – это единственный признак, указывающий на вывих. Я тоже усаживаюсь, забравшись на приподнятый корень, и ставлю корзинку между нами.

– Нам обязательно было сюда тащиться? – интересуюсь у Рена, при этом разворачиваясь так, чтобы видеть его лицо.

– Я тебя раньше сюда не приводил, не так ли? – спрашивает он, и я киваю в подтверждение его слов. – Это мое любимое место. Я прихожу сюда подумать.

Я осматриваюсь вокруг, пытаясь понять, что здесь особенного, но тут парень достает из-под пальто сверток, и мое внимание возвращается к нему. Пули. Пульс сразу же учащается.

– Для чего они? – задает он вопрос, взвешивая сверток в руках.

– Для пистолета. – Я демонстрирую свою лучшую улыбку. Только он окидывает меня ледяным взглядом.

– Для чего они?

– Я только что ответила тебе.

Рен склоняет голову набок.

– Ладно. Допустим, пули для пистолета. А как насчет нового арисэда и платьев?

– Я решила, что мне нужно чаще выходить в люди, – улыбаюсь я, однако ответную улыбку не получаю.

– Ты уезжаешь, так ведь? Вот для чего тебе все это. Все те вещи, о которых ты просила. Ты хочешь сбежать отсюда.

– Нет, – не моргнув, лгу я.

– Куда ты собралась? – продолжает он, игнорируя мои слова. – Должно быть, в Инвернесс.

– Рен…

– Я хочу с тобой. – Я едва не давлюсь воздухом. – Разве это так странно? – Он внимательно смотрит на меня. – У меня тоже полно причин, чтобы хотеть уйти. Более того, я не местный, помнишь?

Я качаю головой.

– Можно я просто заберу свои пули?

Рен кладет сверток обратно в карман.

– Если хочешь получить их, позволь мне отправиться с тобой.

– Росс Маррен, выброси из головы мысль о том, что я собираюсь сбежать. Это смешно.

Я встаю, подхожу к нему и протягиваю вперед раскрытую ладонь.

– Называешь меня полным именем. Как же все серьезно, черт побери. Только я вовсе не шучу: не берешь меня, не получаешь пули. И можешь забрать свои деньги.

Он снова лезет в карман и достает мешочек, который я ему передала и который теперь висит в воздухе, крутится то в одну сторону, то в другую. Допустим, мне не нужны эти пули. Можно взять другое оружие, не обязательно именно это. Я выброшу револьвер в озеро, отпущу его. Время пришло. Зачем вообще мне в Терсо пистолет?

Однако мысль о том, что придется расстаться с револьвером, нагоняет на меня панику. На лопатках тут же выступает пот, а сердце начинает биться немного чаще. Нет, я не в силах бросить его здесь. Не могу избавиться от него. Он мне нужен. И пули для него мне тоже нужны. Не знаю почему, но это так.

– Я думала, мы друзья, – предпринимаю новую попытку.

– Так и есть. И поэтому ты должна рассказать, когда мы выдвигаемся. Именно так и поступают настоящие друзья.

От отчаянья я уже готова завыть.

– Рен, отдай мне пули или, клянусь…

– Клянусь что? – Он обводит меня взглядом с головы до ног, ухмыляется и снова прячет мешочек с деньгами. – Альва, перестань. Тебе незачем строить из себя сильную девчонку. Я тебя знаю.

В этой фразе мне слышится эхо собственных слов, произнесенных вчера на озере. Но в его тоне не звучат извинения. Напротив, парень уверен в моей капитуляции, потому что у него есть то, чего я хочу; то, что мне необходимо. Рен всерьез думает, что знает меня, но на самом деле не имеет обо мне ни малейшего представления. О том, что я повидала и что сделала.

Не отдавая отчета в собственных действиях, я опускаю руку в корзину и достаю пистолет.

На секунду глаза парня расширяются от удивления, и я ощущаю триумф. Не так уж хорошо он меня знает.

Затем его губы расползаются в усмешке, а моя решимость дает трещину. Вспышка гнева уступает место ледяному ужасу от осознания собственных поступков. Что, черт возьми, я затеяла?

Рена не пугает вид оружия. Его это ни капельки не беспокоит.

Парень протягивает руку, хватает пистолет за ствол и притягивает его – и меня – к себе, пока тот не упирается ему в лоб. Все это время Рен спокойно за мной наблюдает.

– Я не собираюсь стрелять в тебя, – тихо произношу я.

– Говорит девчонка, приставившая пистолет к моей голове. – Парень улыбается. – Они в верхнем внутреннем кармане, если тебе интересно.

Я пытаюсь отвести пистолет, но Рен крепко его держит, прижимая к своей коже.

– Тебе жить надоело? – возмущаюсь я. – Это не смешно, перестань.

– Забирай.

Я гляжу парню в глаза и пытаюсь прочесть в них его намерения. Потом медленно тянусь к внутреннему карману пальто и нахожу коробку с пулями прямо у его сердца. Берусь за нее, ощущая костяшками пальцев ритмичные удары под ребрами, сильные и быстрые. Несмотря на высокомерную ухмылку, Рен напуган.

Или взбудоражен. При этом он улыбается мне искренне и открыто.

– Ты сумасшедший.

– Правда?

Когда я вызволяю коробку, Рен поднимает свободную руку и кладет ее на мою. Одной прижимает пистолет ко лбу, другой – мой кулак к груди. Его сердце бешено бьется, точно как и мое. На меня смотрят голубые глаза-льдины, чистые, как небо у нас над головами. Девушки на свою беду могли бы утонуть в этих глазах.

Затем парень, моргнув, отпускает и пистолет, и мою ладонь.

– Альва? – Его голос звучит тихо и напоминает урчание, от чего у меня пересыхает во рту.

Я поднимаю бровь, стараясь держать рот на замке.

– Я знал, что ты меня не застрелишь, – сообщает Рен уже обычным тоном, закладывая руки за голову и откидываясь назад. – Ты не взвела курок.

Я разворачиваюсь и убегаю, оставляя парня в лесу с едва заметной красной отметиной на лбу, напоминающей выцветший след помады. В сознании словно выжигается этот образ: он сидит на бревне, часто дышит, а щеки у него горят. Горят, как и мои. Он часто дышит, как и я.

Я получила то, за чем пришла. Почему же тогда мне кажется, что я проиграла?

Глава седьмая

Я бегу обратно в гору, а стыд наступает мне на пятки. До сих пор в голове не укладывается, что я вытащила пистолет. Как безрассудно. Как глупо. Отвратительный поступок.

Нет никакого оправдания, никакой веской причины тому, чтобы наставлять пистолет на невооруженного человека, что бы тот ни сделал. И уж кому как не мне следовало бы это знать. Отец и дочь – два сапога пара. Что со мной не так?

Что если бы он случайно выстрелил? Что если бы Рен пострадал? Что если бы все сложилось хуже? Рен…

Корю себя на протяжении всей дороги, злость отступает, только когда я начинаю приближаться к дому. Ее заменяет страх, что отец вернулся и теперь знает о моем уходе. Может, я как раз этого и заслуживаю.

Дома тихо и ни души, лишь тяжелое ощущение пустоты. И оно меня пугает. По идее я должна была испытать облегчение, но вышло иначе. Я переживаю.

– С ним все в порядке, – находясь на кухне, проговариваю вслух, как будто таким образом могу изменить реальность. – Конечно же, с ним все в порядке, что может случиться?

Тревога об отце – новое для меня чувство.

– Ты должна беспокоиться о себе, – бурчу себе под нос и ставлю чайник.

Когда он закипает, я прячу пули в подпольный тайник в своей комнате, возвращаю пистолет в ящик в отцовском кабинете и очищаю юбку от грязи. Так-то лучше. Он не рассердится, если ничего не узнает.

Все хорошо.

Я замешиваю тесто для хлеба и оставляю его подниматься. После вылазки я чувствую сильный голод, поэтому на скорую руку готовлю картофельный суп, оставляю его в печи томиться, а сама отправляюсь прибираться в доме, где и без того царит идеальный порядок. Я протираю от пыли безукоризненно чистые поверхности, поправляю стеганые одеяла, натираю до блеска столовые приборы. Когда суп готов, я посыпаю его укропом и иду с миской в кабинет отца.

Устраиваюсь в его кресле. Поджав под себя ноги и поставив суп на колено, я пролистываю толстенный учетный журнал, вмещающий в себя ту сторону жизни отца, которая связана с работой. Я все листаю и листаю назад, пока не попадаю в тот год, когда мне было девять. В тот год он…

Я замираю, потому что нахожу листок бумаги, сложенный и спрятанный меж страниц журнала.

На лицевой стороне написано «Лаклан». Имя моего отца, выведенное рукой моей матери.

Я неожиданно ощущаю запах лаванды и слышу, как она, не попадая в ноты, поет, пока развешивает белье. Я помню, как в первый солнечный день весны бежала сквозь лабиринт белых простыней, а мама догоняла меня. Помню, как она устраивала театр теней, изображая руками фигурки чудовищ, и как я потом визжала от восторга, когда ее пальцы щекотали меня сквозь постиранное белье.

За несколько недель до того, как отец застрелил ее, она была беременна, но что-то пошло не так. Мама потеряла ребенка и много крови. Она едва не умерла. Гарри Гленн, который за неимением настоящего врача лечит людей в Ормсколе, сказал отцу оставаться рядом с ней, потому что маме понадобится его помощь. Однако отец не послушался. Как и всегда, озеро для него оставалось на первом месте.

После этого мама изменилась.

Она все позже и позже просыпалась, иногда и вовсе ни разу за день не вставала с постели. Перестала есть, разговаривать, одеваться. У нее поредели волосы, а глаза налились кровью. На дворе стояло лето, и от нее стал исходить кислый запах немытого тела, такой сильный, что мне не хотелось подходить к ней. Когда мама все же вставала, она оставляла меня дома, а сама уходила бродить вдоль озера. Эти прогулки длились часами, она возвращалась затемно и направлялась прямиком в кровать.

Отец умолял ее взять себя в руки, и мне тоже этого хотелось. Я мечтала, чтобы вернулась моя прежняя мама. Я не понимала, почему для счастья ей как раньше недостаточно меня. Она, кажется, даже не замечала меня. Возвращаясь домой с обхода, отец заставал такую картину: я ела варенье прямо из банки, потому что это единственное, что мне удавалось достать с полки, когда я была безумно голодной. Он снова и снова твердил маме, что ему жаль, что так случилось, но с этим нужно справиться. Ради нее самой. Ради меня. Но мама не справилась. Не хотела. Просто не смогла, как мне теперь кажется.

В ту ночь, когда отец убил ее, я проснулась из-за криков. Мамин голос заставил меня подняться с постели. После недель молчания наконец послышался звук: гортанный неистовый визг; ярость, разрывающая ее глотку, заставляющая каждый возглас звучать рвано и грубо. Должно быть, у отца кончилось терпение, потому что, когда я открыла дверь своей спальни, из гостиной доносился шум драки, а потом прозвучали выстрелы. Четыре, один за другим, без перерыва. Бах! Бах! Бах! Бах! Быстрее, чем удары сердца.

Все произошло так быстро благодаря вращающемуся барабану. Из кремниевого пистолета четыре раза подряд не выстрелить, придется останавливаться и заряжать каждую пулю, засыпать порох в ствол. Нужно по-настоящему ненавидеть человека, чтобы выстрелить в него четыре раза из кремниевого оружия. Наверное, с револьвером гораздо проще.

Еще один разгневанный вскрик, а затем звон стекла. Я побежала обратно к кровати, спряталась под одеялами. Убедила себя, что это сон. Я в постели, значит это сон.

За окном моей комнаты послышалась поступь отца, и я зажмурила глаза, пока она не затихла. Он ушел. И тогда я отправилась в гостиную.

Больше всего я мечтала увидеть, как мама сидит на полу и осторожно собирает осколки, вынимая их из ее любимого ковра, в ее глазах снова горит огонек, разожженный страхом и свежим после отгремевшей ссоры воздухом. Я хотела, чтобы она велела мне вернуться в кровать и не беспокоиться. Надеялась, что я не усну, пока не вернется отец, и услышу, что они помирились. Однако ничего этого не произошло. Мамы в комнате не было. Только лишь небольшой револьвер лежал на полу. Я подняла его и вернулась в кровать, а пистолет спрятала под подушку.

Когда отец вернулся, то, конечно, искал его. Крепко зажмурившись, я слушала, как он поднимает диван, как шарит рукой под сервантом. И продолжала лежать неподвижно, словно труп, когда он зашел в мою комнату. Дверь приоткрылась, луч света осветил стену. Твердый револьвер лежал у меня под подушкой. Мне казалось, отец понял, что он у меня. Я думала, он пришел, чтобы забрать его и прикончить меня. Ведь оставшиеся две пули предназначены для меня. Но отец всего лишь наклонился и нежно поцеловал меня в лоб, словно это не он только что пристрелил мою мать в соседней комнате и скинул в озеро ее тело прямо за моим окном.

Когда он наконец-то закрыл дверь, мне казалось, что сердце вот-вот вырвется из груди.

На следующее утро дверь в комнату матери была заперта, с тех пор вход туда воспрещен. Отец сказал, что ночью она ушла. Когда я спросила, вернется ли, он ответил, что не знает.

Неделю спустя к нам пришел Джайлз Стюарт. Он хотел поговорить с мамой, якобы обеспокоенный слухами о том, что она потеряла ребенка, но ее не было дома. Я повторила слова отца о том, что она ушла от нас.

И даже когда Джайлз привел к нам шерифа, не выдала тайны. Я смотрела прямо в мрачные серые глаза служителя закона и рассказывала, что мама покинула нас по собственной воле. Я не упоминала ни о револьвере, ни о выстрелах. Не проговорилась о том, что тело моей матери, возможно, лежит на дне озера.

Я помню, как позднее в тот день началась сильная гроза, небеса разразились проливным дождем, взволновалась вода в озере. Отец большую часть вечера сидел у окна и смотрел на нее. Хотел увидеть, всплывут ли на поверхность последствия его поступка.

И вот я достаю листок бумаги из журнала, записку, написанную моей мамой много лет назад, и медленно разворачиваю ее.

«Ушла в деревню, чтобы повидаться с Мэгги, – говорится в ней. – Альва со мной. Мы вернемся к чаю». Ниже «целую» и «х» вместо имени, потому что уж отец-то наверняка знал, от кого записка.

И он сохранил ее. Одно из посланий, которые мама, должно быть, писала сотни раз до этого. Записку ни о чем. Спрятанную среди страниц в его драгоценном журнале наевфуиля.

Суп остыл, но теперь мне кусок в горло не лезет. Обычно я стараюсь не вспоминать о той ночи. Но как только решаешь не думать о чем-то конкретном, это становится невозможно выкинуть из головы.

Я распрямляю ноги и чувствую покалывание, будто иголки вонзаются мне в стопы. Когда боль проходит, ковыляю на кухню, выливаю суп обратно в горшочек и подхожу к окну. Снаружи виднеется озеро, такое спокойное, словно на землю положили зеркало и оно отражает ясное небо. Никаких признаков жизни.

Я набираю в чайник воды и, пока он закипает, ставлю хлеб в печь. Жаль, что у меня нет больше дел, например работы по переписыванию текстов, шитья, да чего угодно. Кухня кажется слишком большой, а моя комната – переполненной тайнами. Поэтому я беру свою кружку и иду на крыльцо, сажусь на ступень и начинаю дуть на чай. Пытаюсь убедить себя, что вовсе не высматриваю отца.

Я проверяю куриц и, к своему удивлению, обнаруживаю всех сидящими в курятнике, а не пасущимися на траве и достающими из земли червяков. Запускаю руку в солому, но не нахожу там яиц. Затем направляюсь к сараю. Выясняется, что у козы нет молока. Даже если бы я вышла подоить ее с утра, в кашу мне добавить все равно было бы нечего. Это все дикая кошка, распугивающая мой завтрак. Надеюсь, отец вскоре ее поймает. Я запираю козу и возвращаюсь к курятнику. Мое внимание приковано к горизонту: небо становится розовым, лиловым, а затем багровым. Когда надо мной загорается полярная звезда, я возвращаюсь в дом. Внутри пахнет свежим хлебом, очень по-домашнему.

Ближе к полуночи я решаю, что с меня достаточно. Его не было целый день, а сейчас уже ночь. Последние три часа я провела, глядя на циферблат на каминной полке. Слух реагировал на каждый шорох, сердце колотилось от каждого воображаемого звука открывающегося дверного засова. В таком состоянии я ни за что не усну, мне нужно как-то действовать. Я хватаю свой арисэд и ботинки, захожу в кабинет отца и в знак протеста решаю взять оставшееся ружье.

Я схожу до сараев и обратно. Просто посмотрю, нет ли там его следов.

Ночь ясная, света достаточно, в синем небе сияют сотни тысяч звезд, луна похожа на пухлый, яркий шар, который внезапно напоминает мне о Рене. Только я не понимаю почему.

Справа слышится всплеск, и я резко разворачиваюсь, поднимаю ружье, цепляясь взглядом за какое-то движение на озере. Затем я радостно смеюсь.

Выдра. После стольких лет я вижу ее прямо здесь, недалеко от берега.

Я наблюдаю за тем, как она ныряет, как гладкое коричневое тельце беззвучно ускользает под воду. Потом зверек снова всплывает, переворачивается на спину и трет мордочку лапками. У меня становится легче на сердце. Если и существует знак того, что все будет хорошо, то это он.

Продолжаю свой путь, и моя поступь уже не такая тяжелая. Я не свожу глаз с выдры, пока та не исчезает в глубине озера.

Когда я подхожу к сараям, радость испаряется. Я не взяла с собой лампу, потому что ружье нужно держать двумя руками – это оружие гораздо тяжелее, – и теперь я об этом жалею. Если бы я взяла кремниевый пистолет, то смогла бы принести и лампу.

– Па? – тихо зову, перемещаясь от сарая к сараю, открывая двери и запуская скудный ночной свет в помещения.

Не тороплюсь заходить внутрь, опасаясь, что за мной захлопнется дверь и я окажусь в ловушке. Однако потом все равно заставляю себя войти, выставив перед собой ружье.

– Ты здесь? – шепотом спрашиваю я и жду, одновременно страшась ответа.

Крысы реагируют писком на мое вторжение, в темноте они достаточно смелые, чтобы виться у меня прямо под ногами. Но помимо этого в сараях тихо. С крючков уныло свисают сети, тележка стоит там, где я ее оставила. Если отец и заходил сюда, то его уже давно тут нет.

Когда я проверяю лодки, обе оказываются на месте, трогаю их корпуса – абсолютно сухие.

Принимая поражение, я поворачиваю в сторону дома и на протяжении всего пути смотрю на озеро, надеясь снова увидеть выдру.

Дом появляется в поле зрения, свет на кухне гостеприимно зовет меня, но вдруг на поверхности воды что-то снова мелькает.

Это не выдра. Нечто длинное и бледное, как рыбье брюхо.

Мир отступает на второй план, когда я понимаю, что это. Тело. Ее тело. И тут оно начинает двигаться.

Тело плывет ко мне, рассекая воду со змеиной грацией, почти не тревожа покой озера. Когда оно ныряет, я вижу его хвост, серый и покрытый пятнами.

Это всего лишь щука.

От облегчения я смеюсь, хотя мне немного стыдно за разыгравшееся воображение. Но я быстро собираюсь с мыслями: то, что щуки поднимаются к поверхности, – плохой знак. Хотя, как мне кажется, это не щуки всплывают к поверхности, а поверхность спускается к щукам. Даже в темноте я замечаю, что уровень воды снова упал. Это придает мне решимости. Думаю, я сама напишу Джайлзу. Он должен знать…

И тут что-то хватает меня сзади.

Глава восьмая

Я роняю ружье и кричу. Спустя несколько секунд меня заталкивают в мой собственный коридор. Каким-то чудом мне удается устоять на ногах и не врезаться в стену. Я оборачиваюсь и вижу стоящего у входа отца с обоими ружьями, закинутыми на плечо.

Он захлопывает дверь, закрывает ее на засов, прислоняется к ней и стоит, тяжело дыша.

– Па?

– Что я тебе говорил? – спрашивает он тихо.

– Я просто…

Он поворачивается ко мне и кричит, брызжа слюной:

– Что я тебе говорил?

Он так округляет глаза, что мне хорошо видны белки вокруг темной радужной оболочки. Лицо просто багровеет от злости. Я пячусь назад, пока не упираюсь в стену и не оказываюсь в тупике. У меня в кармане нож, и я дотрагиваюсь кончиками пальцев до его рукоятки.

И тут мой отец издает протяжный шумный вздох и уходит на кухню.

Я откидываю голову назад, на стену, сердце неистово стучит в попытке вырваться из тела сквозь грудную клетку, а лежащая на бедре рука дрожит.

Я медленно выдыхаю и продолжаю дышать через рот, пока не удается успокоиться. Когда я захожу на кухню, отец сидит за столом и, черпая холодный суп прямо из горшочка, отправляет его в рот. Он не смотрит на меня, просто продолжает есть, ритмично лупит суп ложкой.

Я достаю из хлебницы свежую буханку, нарезаю ее и кладу толстые ломтики перед родителем.

Он смотрит на меня сердито из-за края горшочка, но хлеб принимает.

Когда он двигает горшочек ко мне, я тоже беру кусок хлеба и макаю его в суп. Мы едим, пока горшок не становится пустым.

Благодаря совместному приему пищи напряжение между нами спадает, гнев утихает. Даже несмотря на то, что суп был холодный.

– Ты видел щуку? – интересуюсь я.

Отец пристально смотрит на меня, затем кивает. Я жду, что он сообщит мне о своем намерении наконец-то рассказать все Джайлзу. Тогда мне не придется этого делать.

– Что ты делала на улице? – спрашивает он. – Я же велел тебе оставаться дома.

– Тебя искала. Ты ушел на целый день.

Его брови удивленно ползут вверх.

– Я не хотел тебя пугать. – Я пожимаю плечами и начинаю убирать со стола. – Альва? – Я разворачиваюсь с горшочком от супа в руках. Долгие несколько секунд он молчит, а потом произносит: – Ты так похожа на свою маму.

Он резко встает, уходит в кабинет и закрывает за собой дверь.

Как только она захлопывается, у меня подкашиваются колени, я падаю на пол, а рядом с негромким стуком приземляется горшочек из-под супа.

Сон приходит ко мне урывками, меня мучают кошмары. Я слышу крики, вижу подступающие к моим ногам лужи крови. Маму, которая что-то говорит из-под толщи стеклянной воды, а я не могу разобрать слов. Когда просыпаюсь от очередного кошмара, я слышу стук сердца в ушах и чувствую холодный пот на коже. Каждое новое пробуждение страшнее предыдущего, словно мой мозг пытается превзойти сам себя.

Однако хуже всего тот раз, когда я просыпаюсь и понимаю, что не одна. На стене, прямо у моей головы, сияет луч света, а за моей спиной, со стороны двери, слышится чье-то тихое дыхание.

Это мой отец. Он смотрит, как я сплю. Прямо как в ту ночь.

Почти в тот же миг луч становится уже и исчезает, а дверь закрывается так тихо, что я ничего не заметила бы, если бы не проснулась. Через несколько секунд я отчетливо слышу, как скрипит дверь в его спальне.

Я даже не пытаюсь снова заснуть. Вместо этого встаю и накидываю шаль на плечи. На цыпочках подхожу к двери, бесшумно открываю засов и проскальзываю в кухню, чтобы зажечь свечу. Вернувшись в свою комнату, я сбрасываю шаль и затыкаю ею пространство между дверью и полом, чтобы свет предательски не выдал меня. Затем сажусь за письменный стол и придвигаю к себе стопку бумаги. Открываю баночку с чернилами, обмакиваю свое любимое перо и начинаю писать.

Я составляю два письма. Оба к Джайлзу Стюарту.

В первом говорится о том, что уровень воды в озере стремительно падает. В подробностях рассказываю все, что сумела узнать из записей в журнале наевфуиля за последние две недели до сегодняшнего вечера. Не забываю описать, что обитающая на дне рыба начинает подниматься на поверхность. Я недвусмысленно указываю на то, что лесопилка потребляет слишком много воды. Возможно, он озаботится этой проблемой, если на кон поставлены деньги и репутация. Я могу лишь попытаться.

Второе письмо о том, что я лгала о той ночи, когда исчезла моя мама. Что он все это время был прав: мой отец действительно ее убил. Рассказываю все, что помню: выстрелы, револьвер, пропавшее тело матери. Я не углубляюсь в оправдания, извинения и объяснения. Они не нужны ни Джайлзу, ни шерифу, которому он передаст это письмо. Им нужны только факты, их я и предоставляю.

Я запечатываю оба письма в конверты и прячу их под подушку. Потом ложусь в кровать и до рассвета наблюдаю за тем, как сгорает свеча.

Вскоре после того, как небо начинает светлеть, отец уходит. Я все еще не сплю. Из-за бессонной ночи моя голова словно набита ватой, и по собственному опыту знаю, что мне не пережить этот день, если я не запущу руки в отцовские запасы кофе. Я варю целую кружку и открываю окно, чтобы дать выветриться аромату. Затем добавляю туда неимоверное количество меда и ухожу в свою комнату.

Я закрываю внутренние ставни, открываю складной нож, засовываю лезвие в шов между половицами и поднимаю ту, что легко поддается. Дункан, должно быть, уже на подъезде к деревне. Он остановится на ночь в трактире, где его встретит Джайлз, а на следующий день уедет с особым грузом, но не узнает об этом. Почтальон будет держать путь вниз по склону по направлению к

Балинкельду, там я и спрыгну с телеги и отыщу подходящий амбар или другую постройку, чтобы переночевать. А потом на дилижансе отправлюсь в Терсо. Легко и просто.

Завтра утром меня уже здесь не будет.

Я разворачиваю полотняную сумку, которую сшила из обрывков старого паруса с одной из лодок. Она неказистая, но прочная, а большего мне и не нужно. Внутрь я укладываю два своих лучших платья. В городе хочется не слишком отличаться от местных. Из сплетен, которые подслушала в магазине Мэгги Уилсон, я знаю, что горожанки носят гораздо больше кружева, чем мы. Также я беру приличную повседневную одежду, чулки, нижнее белье. Все это смесь спасенных мною старых материнских вещей и того, что я не погнушалась купить у Мэгги.

Следом идет мой новый теплый зимний арисэд с подкладкой из отборной, как уверяет Рен, овечьей шерсти. Он мягкий-мягкий, и когда я кладу на него голову, меня начинает клонить в сон. Поэтому поспешно складываю его и отправляю в сумку, а затем делаю большой глоток кофе. Спасибо, но спать сейчас не время.

Ботинки я оставляю, потому что планирую надеть их в путешествие. Я бережно упаковываю чернила и перья, заворачивая их вместе с банкой с кусочками золотой фольги в старую блузу. Потом разделяю деньги, ведь только дураку придет в голову держать их в одном месте. Я кладу их в маленькие мешочки: два, чтобы спрятать в каждый ботинок у щиколоток, еще один – в нижнее белье, а четвертый закреплю на ремне.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Арисэд – шотландский женский костюм, представлял собой тартан длиной около 2,5 м, который заворачивался вокруг талии и закалывался на груди брошью.

2

Ста?ут – темный элевый сорт пива, приготовленный с использованием жженого солода, получаемого путем прожарки ячменного зерна, с добавлением карамельного солода.

3

Гроут – название английской, а затем британской серебряной монеты в четыре пенса.

Купить: https://tellnovel.com/solsberi_melinda/chto-skryvaet-priliv

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити